

The book cover features a romantic scene between a man and a woman. The man, with long silver hair and wearing a light blue and white robe, holds a glowing golden orb in his hands. The woman, with long black hair and wearing a red robe with black lightning patterns, gazes at him. In the background, a white dragon with red wings flies in a sky of soft pinks and purples. A castle with spires is visible in the distance, reflected in a pond with lily pads. The overall mood is magical and ethereal.

16+

МАРИНА АЛЕКСАНДРОВА

СКОЛОК ЕГО ДУШИ

Марина Александрова

Осколок его души

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63440522

SelfPub; 2020

Аннотация

Найдет ли свое место в мире потомков драконов тот, кто не способен принять родную стихию? Трагическая смерть отца, казалось, навсегда изменила жизнь Ивлин Игнэ, превратив из наследницы рода огненных эвейев в проклятую всеми дочь предателя, что повинен в смерти императора. Страшный пожар пятнадцатилетней давности едва не убил и Ив, но вместо этого лишил ее памяти и навсегда запечатлел ужас перед стихией огня. У нее нет иллюзий относительно своей судьбы в мире жестоких традиций и законов. Ив давно живет с мыслью, что счастье, любовь, дружба навсегда останутся чем-то запретным для такой, как она. Но стоит ли пытаться предугадать судьбу? И вдруг то, что кажется предопределенностью, таковой вовсе не является? А совсем рядом жизнь готовит совершенно невероятный виток, и ей предстоит не только разгадать тайну прошлого и побороть собственные страхи, но и найти настоящую любовь, чтобы однажды встать на крыло.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	14
Глава 2	29
Глава 3	49
Глава 4	74
Глава 5	98
Глава 6	123
Глава 7	148
Конец ознакомительного фрагмента.	167

Марина Александрова

Осколок его души

Пролог

– Что это за место отец? – маленький мальчик, одетый в шелковое кимоно темно-зелёного цвета, расшитое золотыми и серебряными нитями, с интересом взирает на величественную крепость, что словно каменный гребень великого дракона затерялась среди густых непролазных лесов.

Никогда прежде малыш не чувствовал себя настолько взрослым и важным. Впервые, отец взял его в столь длительное путешествие, вместе с личной гвардией и приближенными. Впервые, он путешествовал самостоятельно сидя в седле. Юному наследнику нравилось представлять себя взрослым воином, который со своей армией отправился в поход. Пусть, это было и совсем не так. Крепкая мохнатая лошадь нервно всхрапнула под мальчиком, мигом возвращая того в реальность и заставляя крепче сжать бока животного ногами. Хотя и тут было не всё так просто. Вряд ли Бину, а именно так звали лошадку, даже почувствовала его усилия.

– Это? – чуть улыбнулся Император, а мальчик с восхищением посмотрел снизу вверх на отца. Он казался ему таки большим, невероятным, сильным. Темная походная одежда,

металлические наручи и такой же нагрудник из блестящего металла, на котором кружились в своём вечном танце двенадцать парящих позолоченных драконов. Его отец твердо удерживал своего коня. Тот даже и подумать не мог, чтобы неосторожно двинуться или ослушаться наездника. Да, что там конь, никто в Империи не посмел бы пойти против его воли.

– Одна из жемчужин твоей Империи, – сказал Император, слегка кивнув кому-то, и их процессия начала медленный спуск с горы по направлению к величественной крепости Северных земель. – Крепость Дома Игнэ, сын, здесь живут огненные эвейи.

– Здесь? – брови мальчика изумленно взлетели вверх. – Что им тут делать? Тут же так холодно?

– Здесь не так холодно, как могло бы быть, усмехнулся мужчина, – чуть наклонившись, он поправил меховой плащ сына, поплотнее запахнув его.

– Да, не холодно, – фыркнул мальчик, – лето же.

– Вечереет, – усмехнулся отец, – а тут даже летом ночи куда как холоднее, чем в Мидорэ зимой.

– А, зачем мы приехали? – всё ещё с интересом вертя головой, поинтересовался мальчик. Где-то вдалеке виднелись горы-великаны. Их снежные шапки, казалось, упирались в небосвод, не давая бескрайнему небу обрушиться на землю. Юному наследнику всё здесь казалось немного чересчур. Лес такой, что конца и края не видно. Горы, столь огром-

ны, что страшно представить, каково это забраться на самый пик. Небо, точно бескрайняя синева выплеснулась на огромный холст.

– Хм, – вздохнул Император, – позволь мне говорить с тобой, как с взрослым мужчиной, Китарэ – эй, – официально обратился мужчина к ребёнку, который, казалось, ещё вчера только начал делать первые шаги у него на глазах.

– Конечно, ваше величество, – чуть поклонился юный принц, а сам Император едва сдержал улыбку.

Здесь живёт эвей, который очень давно стал частью нити жемчуга Императора Артакии. Он мой друг, моя опора и тот, кого я по праву могу считать братом. И мне нужна его помощь, сила и совет, Китарэ-эй, – голос отца порой мог ронять молнии на тех, кто посмел прогневить его. Но иногда, в такие моменты, как сейчас, он становился теплым и тягучим, точно пряный мед под лучами полуденного солнца. Китарэ млел в такие моменты. Ему казалось, что его отец необыкновенный, сильный и умный. Ему всё по плечу.

– Отец?

– Да?

– А, у меня тоже будет... такой друг?

– Все эвейи, что однажды войдут в твою нить станут таковыми, сын.

Ещё у подъезда к крепости маленький принц заметил высокого мужчину, что преградил путь их процессии. Из всех, кого знал Китарэ, его отец был самым высоким и сильным

эвейем. Но этот эвей, волосы которого были не просто черными – как у большинства артаккийцев, кроме его отца, конечно – но и отбрасывали алые всполохи, казался исполином. Его причёска представляла собой тугой пучок на макушке. Ярко-алое кимоно было расшито рисунком из переплетающихся золотых драконов. Высокие сапоги и меч, притороченный к широкому поясу. Вид этот человек имел весьма дерзкий. И Китарэ даже невольно позавидовал тому, с каким достоинством умеет держать себя этот Игнэ!

Не успел мальчик поразиться тому, как посмел кто-то посторонний предстать перед его отцом, будучи вооруженным, как мужчина усмехнулся, а его отец тут же дал команду своим людям остановиться. Одним сильным движением, Император спрыгнул с коня и направился к мужчине. Китарэ едва не открыл рот, когда этот гигант сгрёб в свои объятия его отца! Никто не смел прикасаться так к Императору! Никто! Даже его мама себе не позволяла ничего подобного, тем более прилюдно! Но, кажется, кроме Китарэ, это больше никого не беспокоило.

– Сын, подойди, – вдруг позвал его отец, продолжая смеяться и на что-то довольно кивать, разговаривая с этим странным мужчиной.

Мальчик, немного негодуя, всё же сумел самостоятельно спуститься с лошади, отвергнув помощь слуги. Если его отец может, то он тоже! Пусть этот гигант видит, какой сын у его друга!

– Познакомься, сын, – протянул к нему руку отец, – мой названный брат, Ниром Игнэ.

Похоже, Китарэ никогда не видел, чтобы его отец улыбался так открыто и задорно, как это происходило сейчас.

– Весьма рад, – слегка поклонившись, сказал мужчина. Голос его показался глубоким и рокочущим, но чего никак не ожидал мальчик, что мужчина вдруг чуть отойдёт в сторону, а за его спиной окажется маленькая девочка. Китарэ было уже семь весенних оборотов, сколько было той, что с увлечением ковыряла у себя в носу, он судить не брался. Может быть, пять оборотов? Четыре?

– А, это юная Ивлин Игнэ, – вновь пробасил мужчина.

– Кажется, скучать тебе не придётся? – усмехнулся Император. – Что ж, пройдемся, – кивнул он своей свите, давая знак, что отсюда и до крепости он пойдёт пешком. Китарэ никогда не слышал, чтобы его отец хотя бы раз входил под стены чужой крепости пешком? Даже в своём возрасте он понимал, насколько это неслыханное почтение к хозяину дома!

Его отец и загадочный огромный Ниром Игнэ уже направились в сторону крепости, когда к самому Китарэ подошла девочка, в идеально чистом платье, с прекрасно заплетенными волосами, но всё ещё с упоением исследующая содержимое своего носа.

– Привет, – сказала она и беззубо улыбнулась.

– Привет, – немного нерешительно ответил принц. Говоря откровенно, дети конечно с ним общались и играли, но за все

его семь оборотов, никто ни разу не позволил себе не то, что сказать ему «привет», но и тем более сделать это, ковыряясь в носу.

– Пойдем? – наконец-то обнаружив искомое, утомилась она и тут же вытерла это самое о складки своего прекрасного нежно-голубого платья.

– А? – на самом деле принц пытался выдохнуть так, чтобы показать своё отвращение к произошедшему. Но, похоже, был неверно истолкован.

– Пойдём, – решительно схватив его за руку, потащила за собой эта малявка. – Папа сказал, что тебе может быть не по себе, потому что ты тут никого не знаешь и у тебя нет друзей. А, ещё он сказал, что тебе может быть скучно? – с интересом глянула она на него и опять беззубо улыбнулась. – Но, ты не переживай, я всё придумала, – заверила она. – Ну не всё сама, но Рэби сказал, что тебе понравится. Так, что скучно не будет. Ты есть хочешь? Даже если хочешь, пока рано, и Тильда не даст. Но, нам надо переодеться! – подняла она вверх указательный палец. – У меня не так много красивых платьев. А это мне очень нравится. Но я могу его заляпать или порвать...

Китарэ-эй, юный наследник Империи эвейев, был настолько шокирован происходящим: панибратским отношением, общением, прикосновениями... что всё, на что находил в себе силы – это глупо тащиться за этой маленькой девочкой, которая судя по всему, своей добычи отпускать не

привыкла. А самое удивительное, он не испытывал гнева или раздражения на подобное. Ему было интересно.

Неделю спустя.

– Что это за место? – выйдя на берег лесного озера, спросил мальчик у девочки, что, как и он, была одета в простые брюки и рубашку. Вот только Китарэ не привык к прохладе и потому сверху носил ещё и куртку подбитую мехом.

– Папа говорит, что здесь эвей и его дракон могут стать единым целым. Что тут Полотно тоньше и можно напрямую черпать силу от того, кем ты выбран. Не знаю, но самое интересное тут происходит по ночам, – пожалала она плечами, пригладив грязной ладошкой выбившиеся из косы волосы.

– По ночам? – поинтересовался мальчик.

Никогда прежде он не ощущал себя таким исследователем мира вокруг, как после знакомства с этой девчонкой. Никогда прежде ему не было настолько интересно каждую минуту рядом с кем-то. Всего неделя прошла, а он с содроганием маленького детского сердца, думал о том, что возможно уже завтра ему придётся облачиться в шелковое кимоно, заплести волосы в тугий узел, вновь надеть на себя все положенные его положению знаки отличия и навсегда покинуть крепость Игнэ.

– Да, – кивнула она, – садись, – бросив на землю немного грязный коврик, улыбнулась Ивлин. – Сейчас уже начнётся.

А Китарэ вдруг подумал, что хоть у неё и нет двух передних зубов, но она очень даже симпатичная.

Ждать оказалось недолго. Совсем скоро небо потемнело, несмело выглянул полумесяц, и над посеребренной водной гладью вдруг зажглись тысячи крошечных звезд. Каждая такая звездочка кружилась в своём замысловатом танце, выводя странную беззвучную мелодию чуда.

– Что это, Ив?

– Звёзды, – прошептала она.

– Неправда, – усмехнулся он.

– Неправда, – подтвердила она, беззаботно пожала плечами, доставая из сумки прозрачную склянку. – Я поймаю тебе звезду, принц, – шепнула она, и бесшумно направилась вдоль берега. И уже совсем скоро вернулась. Вот только внутри склянки теперь кружилось сразу несколько крошечных звездочек. – Это подарок, – протянула она ему сосуд, и только сейчас Китарэ смог заметить, что там летают вовсе не звёзды, а крошечные светящиеся жуки.

Когда он взял это в ладони, он вдруг отчетливо понял, что ещё никто и никогда не дарил ему таких подарков: не заказанных у лучших мастеров мира; не дорогих и роскошных; не холодных и не имеющих никакого значения побрякушек, а простых и искренних. Таких, как подарила эта маленькая чумазая девочка, которая вдруг сделала его искусственную жизнь во дворце Мидорэ – настоящей. На самом краю Империи, в непролазных лесах севера, она подарила ему воспоминание.

Сон, которого никогда не было...

Я знала его с тех самых пор, когда ещё не была знакома с собой. Он остался в моей жизни видением; шлейфом, сотканным из образов и ощущений; сном, который вёл меня об руку всю мою сознательную жизнь. Я знала его с тех самых пор, когда меня как таковой ещё не было в этом мире. Моё тело помнило, как он забрал огненную, жгущую боль. Но моё сознание стерло его образ из памяти, оставив мне лишь тихую летнюю ночь. Небо, на котором раскинулось великое множество ярчайших звёзд. Мой сон — это тёмные воды лесного озера, что окутывают не просто обожжённую кожу, в них тону я сама. И, кажется, что это такое великое счастье, погрузиться на самое дно и остаться в его глубинах навсегда. Мой сон — это кажущиеся такими крепкими руки, что уверенно держат мою голову и грудь на поверхности, даря возможность дышать. Это белое пламя, что то и дело возвращается, слизывая остатки плоти с костей...

Но я дышу. Я живу... Каким-то непостижимым образом я продолжаю держаться за этот мир, потому что я вижу перед собой глаза, так похожие на спасительный лёд. Холод его ясно-голубых глаз — это спасение для меня. Там, на самом их дне, кружатся неведомые мне вихри, сотканные из силы, покоя и уверенности, что всё непременно будет хорошо.

В какой-то момент, я пытаюсь ухватиться за его промокшую насквозь рубашку, но мои руки дрожат и не слушаются меня. Я не могу согнуть пальцы. Я не могу произнести

ни слова. Звезды кружатся над самой гладью лесного озера, бросая причудливые, нежно-голубые блики на его такое пре-
красное лицо.

Я боюсь даже представить — что осталось от меня, что же он продолжает удерживать над гладью воды. Хочется попросить его отпустить... Но из моего горла доносятся лишь невнятные сипы.

— Никогда, — шепчет он тихо, но твердо.

Я молю об избавлении. Почему-то, сквозь боль и ужас, я уверена, что ничего уже в моей жизни не будет хорошо. Ничего и никогда. Исчезнет всё. Исчезнет он. Исчезну я. Но, кто такая я и кто такой он? Я не знаю.

— Не забывай, Ив, не забывай...

Просит он, а в его руках вдруг загорается удивительно яркая белоснежная звездочка. Её сияние ослепляет. Оно пугает меня. Свет...огонь...боль... И эта крошечная звездочка вдруг превращается в каплю или, быть может, кристалл? Он со- соскальзывает с его пальцев, падая на мою обожженную грудь, и мне кажется — с тех самых пор я окончательно перестаю существовать. И, лишь шепот сквозь тихий шорох волн:

— Но ты забудешь...совсем скоро забуду и я...

Глава 1

Ничего уже не будет.

Осознание этой мысли приходит тяжело. Для того, чтобы понять в чем тут суть, надо не просто погрузиться, сидя у окна, глядя, как плачет дождь, стекая грузными каплями по прозрачной глади стекла. Это совсем не похоже на внезапное ощущение одиночества, сидя за столом с, казалось бы, близкими людьми. Для того, чтобы прочувствовать, надо сгореть и возродиться вновь в теле, которое кажется тебе чужим даже спустя годы. Отчаянье совсем не то, что описывают в книгах, когда героя разрывает от боли и тоски. Бывает и по-другому. Оно коварно. Незаметно блуждает в толпе незнакомых людей, укрывает тебя плотным одеялом, сотканном из глухой и непонятной тоски, каждую ночь баюкая в своих объятьях. И засыпая, ты всё ещё чувствуешь, как кровоточит твоё сердце.

Оно продолжает болеть, когда ты учишься заново ходить, когда первый и последний раз смотришь на своё отражение в зеркале, когда незнакомые тебе люди – те, кто не знает и не может знать, кто ты – отводят взгляд, стоит тебе попытаться с ними заговорить. В один самый обычный день ты перестанешь это делать. Боль в теле уходит, и остаются лишь тлеющие угли там, где принято указывать на сердце.

Отчаянье бывает тихим и тягучим, оно осторожно запол-

няет каждую свободную клеточку твоей души и однажды, ты просыпаешься посреди ночи, понимая, что тебе просто нечем дышать. Странные приступы, от которых не избавиться просто потому, что ты не знаешь как?! Иногда, ощущение такое, что ты уже очень давно лежишь на дне лесного озера, где его темные воды укрывают тебя от солнечных лучей, шума голосов, лепета птиц, шороха ветра. Ты лежишь в этой темной беспросветной глубине, но по совершенно странному стечению обстоятельств, продолжаешь оставаться в сознании.

Это мой мир. Мир, где я уже очень давно существую под толщей темной воды тихого озера наполненного тоской и болью. Иногда, очень редко, меня касаются лучики скупого солнца. Я чувствую их. Эти мгновения, кажутся мне сокровищами, которые жизненно необходимо сохранить и спрятать. Чтобы однажды, стылой зимней ночью, я могла согреться, вспоминая о них или перестать задыхаться и справиться с темными кругами перед глазами, когда кажется ещё немного и тьма просто раздавит меня. Иногда мне снится странный сон... Возможно, но только возможно, что это действительно обрывки прошлого, о коем я совсем не помню. В этих снах мне так больно, что я не могу осознанно смотреть на мир вокруг. Кажется, что вокруг ненасытное пламя, что слизывает своими языками мясо с моих костей. Я была бы рада кричать, но не могу сделать и вдоха. Всё проходит с тихим голосом, что забирает боль, укутывая меня в странный кокон,

сотканый из безмятежности и покоя. Он просит, чтобы я помнила; чтобы не смела забывать. Но, я слышу в нем грусть и тоску и точно знаю, что он не верит, что я смогу сохранить эти воспоминания. Мне хочется заверить его, что я ни за что не забуду его! Но я уже не помню, кто он... Кто же он? Лишь яркие звёзды, что кружатся в небесной темноте... Вот, пожалуй, и всё, что мне-таки удалось запомнить. Жаль.

Блок. Удар. Разворот. Удар. Перекат. Очередной блок. Треск ломаемой палки. Ты совершенно не обращаешь на это внимание. Не имеет значения, даже если у тебя теперь вместо одного шеста два коротких. Ты продолжаешь бой так, как если бы от этого зависела твоя жизнь. Лучшее лекарство от тоски – это боль, что выбьет из тебя остатки сил, которые нужны на то, чтобы жалеть себя. Каждый раз я дерусь так, как будто ещё миг, и я перестану существовать. Неважно, тренировка это или в серьёз, я всегда буду гореть. Пусть пламя и оставило моё тело, но не душу. Я никогда не смогу избавиться от этого.

– Бешенная, – шипит наставник, когда я под немыслимым углом ухожу от его удара, тут же разворачиваюсь и бью, не глядя ни куда, ни как это может ему навредить. Я никогда не буду жалеть того, кто решил поднять на меня оружие. Ярость, что беспомощно тлеет в моём сердце, знает лишь единственный способ насытиться и уснуть. Отдать всю себя без страха, без сожалений. И пусть он сильнее, а один его точный удар в солнечное сплетение выбивает воздух из мо-

их лёгких, заставляя харкать кровью на едва выпавший снег, это не имеет значения. В следующий раз я стану лучше. Стану сильнее. Кровь будет не моей.

– Сумасшедшая девка, – прошипел он, протягивая мне руку, чтобы я могла подняться с колен, прекрасно понимая, что я её не приму.

– Заживет, – сплюнув кровь и проигнорировав его ладонь, заставила подняться себя на ноги. Ноги моя самая слабая сторона. И, тут неважно, что они покрыты шрамами от былого. Хуже то, что тогда же были задеты и мышцы. Стоит перетрудить левую ногу, как её начинает сводить судорога.

– Будь ты парнем, какой бы эвей получился бы, – тяжело вздохнул Рэби. – То, что так давно надо дому Игнэ.

– Неважно, какого я пола, – хмыкнула я, посмотрев в глаза наставнику, – в моём случае это не имеет значения, сам знаешь. Да и полноценным эвейем мне не стать, – фыркнула я, отбросив черные пряди волос за спину. – Ещё? – изогнув бровь, поинтересовалась я, выразительно подкинув остатки шеста в руках.

– Нет, уж, – отмахнулся Рэби, потирая ушибленную совершенно лысую голову, – и, так рог с минуты на минуту вырастет, только второго мне не хватало. Да, и госпожа велела, чтобы ты зашла к ней, как только минует час крысы. Так, что, не сегодня, – покачал он головой.

– Что опять? – тяжело вздохнув, швырнула сломанную палку к стене, и с интересом взглянула на собственные брю-

ки. Стоит заскочить на кухню и протереть.

– Не о штанах бы переживала! У тебя с губы кровь идёт, – заметил Рэби так, будто не он совсем недавно мне эту губу рассёк.

Конечно, обычному обывателю могло бы показаться странным, как я вообще выдержала напор почти двухметрового мужика, который по всем параметрам был больше и мощнее меня. Но, Рэби был человек. А я, хоть и бракованный, но эвей. Человек, в чьих венах течет кровь одного из двенадцати богов-драконов. Стало быть, я могу быть куда сильнее его, особенного, когда обрету силу крови и рода. Но не думаю, что в моём случае это вообще возможно. Не человек и не дракон, не парень и не девушка. Так, урод какой-то. Иногда, я спрашиваю себя, кто я? Есть ли у меня ответ на этот вопрос? Не знаю. Я не знаю и не хочу знать себя. Моя ярость вот всё, что заставляет чувствовать себя живой, настоящей, полноценной. Больше у меня нет ничего. Наверное, однажды я умру, защищая остатки родовой крепости или в очередной войне Империи. Так определённо будет лучше, для кого-то вроде меня в этом будет смысл. На остальное я не претендую.

Опустив ладони в ледяную воду, чтобы смыть кровь и грязь перед встречей с тётушкой Дорэй Игнэ, невольно поморщилась, только сейчас осознав, что костяшки на моих руках разбиты и кровоточат. Вдохнув сквозь сжатые зубы, я подумала, что будь я полноценным эвейем, таких проблем

бы у меня уж точно не было. Но я, скорее, умру, чем смогу это... Жаль.

На кухне приятно пахло сдобой и только что сваренным супом из тех зайцев, что я подстрелила утром. Уж лучше бы поесть перед встречей с тётушкой, потом при всём желании кусок в горло не полезет. Но час крысы уже настал, а хуже может быть не просто сходить к тётке, но опоздать на назначенную ею встречу. Умывшись, я промокнула лицо куском полотна, что заботливо оставила Мэйс. Она знает, что после тренировки я непременно загляну. Оправила куртку и плащ, стёрла грязь с сапог и, решив, что лучше уже не будет, направилась к той, чьей племянницей я являюсь по недоразумению природы и Двенадцати Парящих.

Дорэй Игнэ, скажем так, старшая рода Игнэ с тех самых пор, как мой слегка ненормальный папаша спалил к демонам добрую половину родового замка, ну и меня заодно. Как я выжила? Кто бы знал. От пламени огненного эвейя не защищают ни заклинания, ни стены. К слову сказать, стен от восточного крыла и не осталось. Сейчас эта часть родовой крепости напоминает огарок свечи, что по непонятным причинам притулилась рядом с родовым замком одного из величайших родов Империи. Ну, ладно, величайшими мы были ровно до того момента, как у моего отца поехала крыша. Хотя бы в мыслях, я могу называть вещи своими именами. Дорэй считает, что его околдовали или же он слишком долго не использовал силу, и она просто свела его сума. Так она го-

ворит. Что думает на самом деле? Думаю, это известно лишь Парящим.

Хотя, даже я понимаю, насколько бредово звучит подобная версия.

Как бы там ни было, пятилетняя дочь Нирома Игнэ, рождённая в браке или без оно́го, ни пойми с кем, поскольку имя моей матери под запретом, выжила. Как? Ну, чудеса «типа» случаются. Изуродованная, не помнящая ни себя, ни своего отца, ни того, что произошло, она заново училась ходить, дышать, жить. Как у неё, то есть у меня это вышло? Так, себе, если честно.

Ах, да, отец мой спалил и Императора заодно. Вот, ведь, неугомонный был.

Вопрос о том, почему наш род всё ещё продолжает владеть своё жалкое существование, как и о том, почему нас всех земля ещё носит, стоит задать моей тётке. Она может придумать, что-то более-менее внятное. Я правдоподобных причин не нахожу.

На миг замерев у входа в покои Дорэй, я всё же набрала в грудь побольше воздуха и постучала.

– Войди, – грубое и холодное, как и вся Дорэй, когда ей приходилось иметь дело с кем-то неприятным типа меня.

Решительно потянув ручку двери на себя, я переступила порог, ведущий в лучшие покои этого дома. Обоняния тут же коснулся насыщенный аромат розовой воды и разогретой на солнце травы. Несмотря на царивший за стенами холод,

я ощутила сильный жар, как если бы в комнате было сразу несколько открытых очагов пламени, но здесь была лишь Дорэй. Идеальная с головы до пят, она сидела у окна на своём любимом кресле и, казалось, с интересом изучала раскинувшийся за окном пейзаж. Темное покрывало лесов, извиляющуюся змеёй реку, что спускалась в долину с гор, которые плотной стеной закрывали наши земли от врагов с севера. Их белоснежные шапки, словно держали на себе небеса. Как бы мне хотелось увидеть их чуть ближе. Кто знает, может быть, однажды это и произойдёт?

– Ты опоздала, – хмыкнула Дорэй, оправив несуществующие складки на верхнем шелковом платье ярко-алого цвета. На нём были вышиты ветви рябины и странные маленькие птички с розовыми грудками, которые словно на самом деле вот-вот взлетят, стоит этой вечно молодой и прекрасной женщине пошевелиться. – В прочем, – изогнув идеальную бровь, скривилась она, – чему стоит удивляться, когда речь идёт о ком-то вроде тебя, – пренебрежительно изогнув губы, покачала она головой. – Не могу поверить, – зло прошипела она, решительно поднимаясь со своего «трона» и направляясь ко мне.

Как бы я не относилась к этой женщине, я не могла не признать её совершенства. Высокая, стройная, всегда с идеально убранными волосами и ухоженным лицом. Её медовые локоны, казалось, водопадом спускаются по плечам к пояснице. Гребни, которыми она их закалывала, всегда превос-

ходно подходили к её платью, заставляя его выглядеть ещё дороже и совершеннее. Черты лица мягкие и нежные, будто созданные для того, чтобы усладить мужской взгляд. В этом была вся Дорэй Игнэ: обманчиво нежная, лживо добродетельная и поверхностно прекрасная.

– На, – сунула она мне в руки, свернутый трубочкой лист бумаги, – собирайся. Завтра выезжаешь.

– Что? Куда? Зачем? – путаясь в мыслях, попыталась по-доброму я правильный вопрос.

В тот же миг щёку обожгло острой жалящей болью. Одно дело, когда тебя бьёт Рэби. Он человек. Его удары – это боль и только. Когда тебя бьёт огненный эвей, это всё одно, что живое пламя нападает на тебя и лишь в его воле: укусит оно тебя, слижет плоть с костей или не причинит вреда, лишь дав почувствовать свою силу.

– Позор, Парящие, вот это позор! Великий Род Игнэ и ты! – почти прошипела она, в то время как я не могла найти в себе сил, даже пошевелиться, после прикосновения к её племени. – Мой сын и ты! – нервно потерла она переносицу. – Бога ради, да отомри ты уже! Или даже читать разучилась?

Я не могла разжать пальцы. Не могла пошевелиться. Стоять. Дышать. Стоять. Дышать.

Это всё о чем я могла думать в этот момент.

Огонь. Он пожирал меня. Кожа вздыбливается пузырями, лопаются на моём теле. Боль везде. Нет места, где нет боли. Она повсюду. Она это я. Я слышу запах жареного мя-

са и палёной шерсти. Так пахнет от меня.

– Завтра, поняла? И помни, ты Ивлин Игнэ, если опозоришь свой род... тебе лучше не знать, что будет тогда! – выплюнула она мне в лицо, указав рукой на дверь. – Пошла вон с глаз моих, – напоследок сказала она, когда я на негнущихся ногах вышла за дверь.

Кое-как добрела за угол коридора, опустилась на колени, зажала голову руками, и начала потихоньку вдыхать и выдыхать. Лёгкие в этот раз просто отказывались работать.

И вот, пожалуй, самое смешное во мне: потомок рода огненных эвейев боится огня. Хотя, слово «боится» не совсем подходящее, как мне кажется. Огонь забирает способность дышать, двигаться, осознавать. Когда рядом со мной открытое пламя, я просто исчезаю из этой реальности, проваливаясь в неясные и пугающие воспоминания, в которых есть место лишь боли и страху. Когда Дорэй прикасается ко мне – это всегда очень болезненно. Раньше я каждый раз теряла сознание, став старше я всего лишь с полчаса блюю в коридоре, пытаюсь заставить свои лёгкие работать вновь. Не возьмусь судить, что лучше. Самое забавное, что Дорэй прекрасно осведомлена, как действует на меня, а отсюда следует самый очевидный и простой вывод: она делает это преднамеренно.

Наконец-то немного придя в себя, я поднялась на дрожащих ногах, и нашла в себе силы взглянуть на изрядно помятый сверток бумаги, что я с силой сжимала всё то время, что

пыталась сделать вдох.

– Не здесь, – прошептала я себе под нос, и поковыляла в сторону собственной спальни.

Да, моё положение при доме Игнэ было неоднозначным. Честно сказать, когда я была ребёнком, то особенно не задумывалась, почему всё именно так? Дети Дорэй приходились мне двоюродными братом и сестрой, но если брать иерархию древа, то технически я дочь старшего эвейя семьи, а стало быть, наследница рода... Ну, как вы понимаете, «технически» мой отец убил Императора. Ну, «практически» он его тоже убил, конечно, но как бы там ни было, он якобы не отдавал себе отчета в том, что творит. Бред, какой-то! Так или иначе, меня почему-то не четвертовали и стоило бы этому порадоваться. И, я вроде бы как глава рода...

Честно говоря, даже когда я мысленно рассуждаю, называя себя, воплощенное недоразумение, «наследницей», мне всякий раз кажется, что я слышу лучшую шутку в мире.

Так или иначе, если брать за основу то, как должно быть, то я старшая дома, несмотря на то, что по возрасту самая младшая. Но, в реальности я всего лишь приживалка-выживалка, которую почему-то не казнили за заслуги отца. Говоря откровенно, есть два вопроса, на которых я не могу найти достойного ответа. Первый из них, почему Дорэй терпит моё существование? Хорошо, пока я не обрела силу крови, то не опасна для неё. Но стоит мне стать полноценным эвейем, как я в тот же день могу отрезать её ветвь от дома Игнэ. Есть

вариант, что Дорэй не верит, что однажды я смогу пробудить свою силу. Но, на мой взгляд, это не может считаться сто-процентной гарантией её положения. Последние годы я просто не понимаю, почему до сих пор жива. Что делает Дорэй обязанной сохранить мне эту самую жизнь? Ну, и второй вопрос, всё же касается моей матери. Если слухи правдивы, то моя мать была прислугой, человеческой женщиной, которую захотел и взял Ниром Игнэ, а вследствие чего родилась я. Само по себе это маловероятно, поскольку редко какая человеческая женщина способна выносить ребёнка эвейя. Чаще всего, если беременность всё же случается, от неё стараются избавиться. В противном случае женщина умирает ещё в первый триместр. Слухи, которыми полнятся родовые земли Игнэ, говорят, что моя мать сгорела на последнем месяце... Ну, как же без этого, учитывая кровожадность и ненормальность моего отца.

Серьёзно? Я в это не верю. Я эвей и не могу вынести грёбаную пощёчину Дорэй! Так как человек может выдержать, когда внутри него пламя обретает плоть? Такое просто невозможно! Так или иначе, ни один житель Турийских лесов не верит в то, что я не бастард, а стало быть, ни о каком уважении речи не идёт. Для всех Ивлин Игнэ незаконнорожденная дочь Нирома Игнэ, который за каким-то демоном внёс её имя в семейный реестр, сделав наследницей в том случае, если она обретёт силу рода. Что сказать, смех, да и только.

Дорэй на настоящий момент формально глава рода Игнэ. На деле же она всего лишь управляющая. У моей тётки нет способности призывать своего дракона в этот мир. Как это ни странно, но и эвейи не все одинаковы. Есть те, кто способен брать силу крови и использовать её, проводя ритуалы и подчиняя стихию. Они точно проводники меж двух миров, но они сами не способны провалиться на другой слой, чтобы стать одним целым со зверем, что в свою очередь выберет их. На такое способны лишь сильнейшие. Не знаю, если честно, как это определяется. Возможно, и впрямь по очерёдности рождения? Но только те, кто может призвать зверя и облечь его в плоть, могут стать главами своих родов и войти в Жемчужную Нить Императора.

На настоящий момент, мой двоюродный брат и сестра готовятся к тому, чтобы пройти ритуал обретения и единения. Каждый эвей, достигший возраста восемнадцати оборотов, должен явиться в Храм Двенадцати Парящих Драконов и пройти подготовку. Мне почти двадцать и, как вы понимаете, Дорэй даже помыслить не может о том, чтобы я попала в храм. Ну, хорошо, я тем более этого не желаю. Меня вполне устраивает то, как я живу сейчас. Большого я не желаю и не уверена, что смогу вынести. Однажды я покину земли Игнэ и наконец-то забуду о том, чья кровь течёт в моих венах. Открыв дверь в свою комнату, которая более всего напоминала коморку для швабр, как своим размером, так и содержимым, я устало опустилась на разложенный в углу матрас. Спать

я не собиралась, но следовало дать отдых ноге. А ещё хотелось узнать, что за безумный всплеск устроила Дорэй, пока не зашло солнце, и я ещё могла разобрать то, что написано в письме. В моей комнате никогда не было ни свечей, ни ламп. Думаю, понятно, почему я так живу.

Расположившись так, чтобы лучи угасающего солнца падали мне со спины, я осторожно развернула письмо.

Спустя несколько минут я не могла понять, что за ерунда происходит в этом мире! Что за бред!?

«Измена»

«Уклонение от долга крови»

«Угроза Императорскому Дому»

«Немедленно предъявить»

Строчки плясали перед глазами, а я никак не могла осознать то, что от меня требовали и в чем обвиняли. Ещё раз вздохнув поглубже, я начала читать с самого начала:

«Уважаемая Иса, Дорэй Игнэ,

Совету Двенадцати Парящих стало известно, что под вашим крылом продолжает находиться наследник безвременно почившего Нирома Игнэ, члена совета Двенадцати, угасшей жемчужины Нити Императора. Согласно данным Совета, наследник Ивлин Игнэ, уже два года, как достиг возраста, когда ему положено ступить на путь его Души и Предназначения. Совет не видит ни единой достойной причины тому, что юный Игнэ отказывается прибыть в Храм для прохождения положенного ему обучения и подготовки. Вам ли

не знать, Иса, как и чем может обернуться подобное пренебрежение и уклонение от исполнения долга крови. Вам делалось неоднократное предупреждение! Впредь Совет будет расценивать как измену и угрозу Императорскому Дому ваше нежелание представить Совету юного Игнэ. Настоятельно советуем вам немедленно предъявить юного Иса, в противном случае мы посчитаем своим долгом напомнить вам о тех условиях, что поднимались нами ранее».

– О, нет, – только и смогла пробормотать я, понимая, что, пожалуй, на этом письме наступает закономерный конец моей толком не успевшей начаться жизни.

Глава 2

– Стоило заранее предупредить, что ты такой красавчик, и я бы не стала так капризничать, договариваясь о встрече? – губы женщины, что сейчас сидела на расстеленных шкурах перед ним, изогнулись в похотливой усмешке. – Совсем ещё юный бог, зачем ты пришел ко мне? М? – поинтересовалась она, небрежно откидывая волосы, на кончиках которых с перезвоном откликались десятки золотых монет, за спину. – Будущее? Прошлое? Настоящее? – перебирала она, пока её пальцы тянулись к отложенной на маленькое стеклянное блюдце трубке.

Нарочито медленно она поднесла её к губам и сделала вдох. Прикрыв глаза, казалось, она поистине наслаждается дымом, что растекся на языке, а после столь же медленно выпустила его, окутывая своё лицо неясной дымкой. Запах чуть сладких наркотических трав заполнил шатер, но мужчину, что сидел сейчас напротив неё, это совершенно не беспокоило. Он и впрямь казался кем-то нереальным. Его черты лица немного хищные, но от этого ещё более притягательные. Раскосые глаза цвета льда и капли, белоснежные волосы, убранные в высокую косу, делали его особенно непохожим на любого кочевника, что был в этом племени. От взгляда, которым он смотрел на Ашу, у женщины невольно замирало сердце. Рядом с таким мужчиной не хотелось смотреть по

другую сторону Полотна. Хотелось смотреть на него. Хотелось прикоснуться к нему. А ещё лучше, если бы он прикоснулся к ней. Такой холодный, но такой непостижимо обжигающий.

– Время.

– Время, – с улыбкой повторила женщина, – почему тебя интересует то, чего не существует? Времени всегда нет. Все это знают и никто не понимает. Неужели нет вопросов поинтереснее? Прошое? Хочешь, расскажу о прошлом, ведь оно куда интереснее настоящего? А, ещё от него зависит будущее... твоё, её, наше...

Женщина засмеялась, а Китарэ впервые подумал, что зря решил на встречу с грезящей, что так славится среди кочевых племён.

«Обычная опиумная шлюха», зло подумал он, равнодушным взглядом скользя по фривольному наряду женщины, состоящему из легких кусков ткани, которые совершенно не оставляли пространства для воображения. Женщина вдруг резко оборвала свой смех и остро взглянула на мужчину, что сидел перед ней. Её ярко-зелёные глаза, казалось, вдруг стали обителью для чего-то иного и чуждого этому миру.

– В тебе чего-то нет, ты знаешь, да? Знаешь, что если не найдёшь, то Дух тебя не примет? Знаешь... Боишься? Нет. Ты не умеешь бояться. Ах, вот оно что, – чуть усмехнулась она, – ну, конечно, – её улыбка стала такой расслабленной и умиротворённой, что Китарэ едва подавил желание встать и

просто уйти отсюда. – Ты знаешь, просто не будь дураком, – захихикала она, – но ты всё равно будешь, – уже в голос смеялась женщина.

– Не могу поверить, – фыркнул Китарэ, резко вставая с расстеленной прямо на земле шкуры, и направляясь в сторону выхода из шатра.

И ради того, чтобы взглянуть на обкурившуюся опиумом человеческую женщину в прозрачных тряпках, он вел переговоры с кочевым племенем в течение последнего месяца? Серьёзно? Хотя одно точно сказала – не стоит быть дураком!

– Постой, мой бог, – серьёзный голос женщины, заставил его замереть у самого входа в шатер, – не обижай её, мой бог, не обижай, – как-то по-особенному жалостливо попросила она.

– За себя переживай, – чуть повернув голову, сказал Китарэ, – чтобы на рассвете покинули окрестности Мидорэ.

Он резко откинул полог шатра и вышел в стылую осеннюю ночь. У самого входа преданной тенью стоял Дилай. Казалось, он точно знал, что Китарэ сейчас появится и захочет немедленно покинуть племя, потому лошади уже были готовы, да и сам Дилай, тоже.

– Как всё прошло? – тихо спросил друг.

– Ещё одна такая идея, – остро взглянул он ему в глаза, – я не обещаю, что оставлю это без последствий, – бросил Китарэ, одним сильным движением взлетая в седло. – Не задерживай меня.

Из уст Китарэ это было всё равно что «пошевеливайся или проваливай».

Стоило наследному принцу пришпорить коня, как стылый морозный воздух ожег его лицо. Ночь, поле, льдинки звёзд на черном бархате неба, что ещё нужно, чтобы немного прийти в себя? Ну, например, закончить Нить...

Не сейчас.

Сегодня он больше не будет думать о том, в какой ужасной ситуации может оказаться его Артакия в ближайшие не то, что годы, а может быть и дни. А, вместе с ней и он.

Он вошел в свои покои, когда на небосводе уже играло багрянцем солнце, готовясь подарить Империи новый день. Не чувствуя усталости он прошел комнату насквозь, распахнул двери ведущие на широкую террасу, откуда был виден спящий Мидорэ, точно на ладони, и опустился на одно из плетёных кресел. Рядом сел Дилай. Китарэ чувствовал, что друг не просто так отправился за ним. Он словно готовился к какому-то признанию, но не знал с чего начать.

Некоторое время мужчины молча смотрели на то, как над великим морем давно уснувшего дракона, алым золотом разливается рассвет. Даже глубокой осенью, стоило на горизонте Мидорэ засиять солнцу, ветер тут же становился ласковым и приветливым. Тепло редко когда покидало эти края надолго и в серъёз.

– Я должен рассказать тебе кое-что, – в умиротворяющей тишине утра, раздался голос друга.

– Я знаю, – усмехнулся Китарэ. – Говори, – разрешил он, слегка улыбнувшись.

– Я долго думал, почему всё так?

– Поверь мне, я думал об этом не меньше, – хмыкнул Китарэ.

Сказать честно, он не слишком-то хотел выслушивать размышления и предположения друга, о том, что ещё они могут сделать. Ничего из того, что они уже пытались предпринять не помогло. Порой, нет ничего хуже очередного призрака надежды, которой не суждено сбыться.

– Я знаю, тебе будет неприятен этот разговор, но всё же... В ночь, когда погиб твой отец, Нить была разорвана.

Китарэ едва удержался от того, чтобы поблагодарить друга за напоминание. Можно подумать, он сам этого не знал?!

– С каждым годом на севере всё холоднее, на юге засуха за засухой, запад заливают бесконечные дожди, восток постоянно трясёт, в сезон ветров не утихают бури. Магические меридианы всё нестабильнее. Это чувствуют уже даже те, кто так и не смог найти своего отражения за Полотном. Хуже может быть только, если и будущий Император станет одним из них, Китарэ.

– Я знаю, – скупой ответил мужчина, с силой сжав челюсть. Он всё это знал. И ничего не мог с этим поделать.

– То, что произошло с тобой и твоим отцом пятнадцать оборотов назад в землях Игнэ, мы не можем больше игнорировать это. Двенадцать Парящих драконов не просто те,

кому мы поклоняемся и чтим. Я уверен в этом, что это начало нашего мира, Китарэ! То, как мы должны существовать друг с другом. Двенадцать парящих – это олицетворение Нити Жемчуга Императора драконов. Твоя Нить почти готова, но...

– Не хватает последнего замыкающего звена... – устало пробормотал он, откинувшись на спинку кресла.

«И, ещё кое-чего», подумал про себя Китарэ, не решаясь это озвучить вслух.

– Да, – заметно нервничая проговорил Дилай, – я знаю, ты пошел на уступки, пригласив в Храм племянников Игнэ...

– И? – лицо Китарэ вдруг из уставшего стало жестким и волевым. В голосе послышался лёд.

Дилай тяжело сглотнул, предвкушая, что будет, когда он закончит говорить.

– Но, это не то Китарэ. Они не наследники. Я знаю, ты не помнишь, что произошло тогда в крепости огненных эвейев...

– Огненный эвей спалил моего отца, – сквозь зубы прошептал юный наследник, – из-за огненного эвейя я пересёк Полотно в возрасте, когда это может стоить жизни. Из-за огненного эвейя Игнэ всё обошлось, я всего лишь потерял кусок собственной души, – горько усмехнулся он. – В семь оборотов меня коснулся мой дракон, его дыхание изменило меня, – небрежно указал мужчина на собственные волосы и глаза. – И я не знаю, смогу ли вновь призвать зверя с тем,

что осталось! Так, что подумай дважды прежде, чем продолжишь, Дилай!

Дилай смотрел на своего друга и отчетливо понимал, что это необходимо просто сказать. Может быть, он был неправ? Может быть, ошибся? Но, они не узнают не проверив! Им просто необходимо пройти через это!

– У Нирома Игнэ есть прямой наследник и, полагаю, дня через три он уже будет здесь, – на одном дыхании выпалил Дилай, так и не поняв, в какой момент тяжелый кулак опустился на его висок. Дальше была лишь тьма.

* * *

– Ну, ты как всегда, – бухтение Рэби за последние дни стало уже чем-то привычным, – ты хоть знаешь, что такое Мидорэ?

– Я, может быть, и не столь гениальна, как ты, но что такое столица Империи в курсе, – скрепя зубами ответила я, мерно покачиваясь в седле.

– Так, какого демона, ты похожа на воителя, которого потрепала не одна битва?! – разорился он, бросая на меня гневный взгляд.

– Я не знаю, на кого я там похожа, но тебе ли не знать, что это лучшее, что у меня есть?! – вызверилась я. – Да, конечно, я должна путешествовать в паланкине, сидя на мягких подушках, с идеально раскрашенным лицом и заплетёнными в ритуальные косы волосами! Должна быть одета в яр-

ко-алое кимоно расшитое двенадцатью парящими драконами, как того требует обычай и мой род. Но, Рэби, зачем ты спрашиваешь меня, почему всё так? Тебе ли не знать!

Да, женщинам Артакии, тем более наследницам благородных домов, не пристало путешествовать в мужской одежде и верхом. Но Дорэй была столь милостива, собирая меня в Храм Двенадцати, что выделила мне аж целый сундук своих шелковых кимоно, которые она носила неизвестно сколько лет назад, учитывая, что все они были мне примерно до середины икры и едва прикрывали локти. Не говоря уже о том, что она и вовсе не собиралась собирать положенную наследнице свиту! Ни о каком паланкине, слугах и прочем речи не шло. Её кимоно я продала в ближайшем к Турийским лесам крупном городе и получила неплохие деньги, которых нам должно хватить на первое время.

– Это не я просила о том, чтобы явиться в их Храм! Это они вызвали меня! Мой отец проклят Двенадцатью Парящими, так что может быть удивительного, что и наследник такой же.

– Дура, – шикнул он, и надулся, отвернувшись от меня.

– Пф, – фыркнула я. Кто бы говорил.

– Неужели ты не понимаешь, как это важно... неужели не понимаешь, что это шанс...

– Шанс на что, Рэби? – жестче, чем следовало, спросила я, прямо посмотрев на своего наставника. – Шанс на то, что это сможет что-то изменить для рода Игнэ?

– Мой отец убил Императора и это ничто не в силах изменить, Рэби. В тот момент, когда это произошло, всё изменилось для нас всех раз и навсегда. Ты же понимаешь, почему они не четвертовали весь наш род тогда? Всё дело в крови, Рэби. Я много думала над этим, и как ни крути, всё дело именно в том, что это наш огонь не даёт северу превратиться в сплошную глыбу льда. Ты знаешь, что я права! Они зовут меня не потому, что я им так сильно нужна или им важна четь нашего рода. Им плевать приползи я хоть без рук и без ног, если есть хоть малейший шанс, что я найду своего зверя и согрею север, – горько усмехнулась я. – Правда, что-то мне подсказывает, что совсем скоро и этот крошечный шанс нас не спасёт...

– Послушай, – прекрасно поняв, о чем я, сказал Рэби, – постарайся пробыть там хотя бы несколько месяцев. Хотя бы до дня испытаний. А, потом...

– Что потом, Рэби? Что? Ты знаешь, как на меня действует огонь! Знаешь, что будет, если мне придётся соединиться со стихией рода? Даже я не знаю, что из этого выйдет, но меня уже не останется к этому моменту, – уже тише сказала я.

– Мы сбежим, – уверенно, сказал наставник. Я же грустно усмехнулась.

– Куда, Рэби? Это страна эвейев, повелителей стихий, детей Двенадцати Парящих, куда ты собрался бежать, когда мой отец мог видеть целый мир сквозь крошечное пламя свечи. Мне осталось поборота, Рэби, я это понимаю. Поста-

райся понять и ты. И, пожалуйста, можно хотя бы эти грёбанные месяцы я буду носить своё тряпье, и хотя бы не буду переживать о том, что не имеет никакого значения.

На этот раз наставник не нашелся с ответом. Он упрямо поджал губы и отвернулся от меня, делая вид, что изучает окружающий пейзаж.

Полоборота. Когда я думаю о том, что мой час придёт в день весеннего солнцестояния, мне становится немного не по себе. Да, конечно, моя жизнь это далеко не образец того, что можно назвать «мечта». Но! Ведь я тоже хочу жить! Хотя, кому какое дело до этого? То, что сделал мой отец – непростительно. То, к чему двигаюсь я – неизбежно. Для каждого эвейя его стихия – это колыбель, где он находит покой, черпает силы, восстанавливается после сражений. Для меня огонь – это гораздо больше, чем просто страх. Это преисподняя, где я исчезну за грехи своего отца. Я это понимаю.

Мидорэ. Столица Артакии. Жемчужина нашей Империи, которая притаилась в объятиях Тихого моря. Совершенный венец цивилизации эвейев. Вечно зелёный город, утопающий в ласковых объятиях гор, морского бриза и цветения. Я поняла, что мы на месте стоило нам вывернуть на дорогу, что вела к южным воротам, ведущим в город. Казалось, мы прогуливаемся по набережной, а не пытаемся войти в город. Я впервые видела море. Дорога же змеёй извивалась вдоль побережья. Дыхание против воли сбилось, и я решительно направила лошадь к самому берегу, уходя с тракта.

Моих волос, которые я заплетала в тонкие косички, а уже после схватывала их на затылке, коснулся прохладный бриз. Я легко соскочила с лошади и направилась к самому берегу. Хоть море и называлось Тихим, но волны на этом скалистом берегу, были впечатляющими.

– У нас такого не увидишь, – раздался со спины голос Рэби.

– Ты знаешь, я радуюсь, – улыбнулась я, всматриваясь в горизонт.

– Чему? – поинтересовался наставник, вставая рядом со мной.

– Ну, хотя бы тому, что у меня есть возможность увидеть нечто удивительное за те пологорота, что остались...

Резкая боль пронзила предплечье, когда пальцы Рэби железной хваткой сомкнулись на моей руке. Он дернул меня на себя, заставляя повернуться к нему лицом.

– Ты не умрёшь, ясно тебе, – зло сказал он, всматриваясь в мои глаза так, словно искал на самом их дне ответ или подтверждение того, что я поверила ему. – Ничего ещё не кончено! Может быть, в храме тебе помогут переступить свой страх!

– Ну, конечно, – усмехнулась я. – Как? Ещё раз сожгут меня?

– Эй, – встряхнул он меня, – если ничего не получится, то я уведу тебя отсюда, чего бы мне это не стоило! Слышишь меня?

Я смотрела в его темно-карие глаза; на лицо, на котором совсем недавно стали появляться первые морщины, что выдавали его возраст, несмотря на крепкое тело воина. В этот момент, я действительно почувствовала то, как он переживает за меня. Пожалуй, роднее и ближе, чем Рэби у меня никого не было, а я так эгоистично поступала, заставляя его чувствовать себя беспомощным и переживать за меня. Это было неправильно с моей стороны.

– Хорошо, – кое-как выдавив улыбку, сказала я. – Так и сделаем, – прекрасно понимая, что говорю это, лишь с целью успокоить его.

* * *

Храм Двенадцати Парящих... впервые он переступил порог этого места в возрасте четырёх оборотов. Рядом с ним тогда был тот, воспоминания о ком запечатлелись в сердце на долгие годы. Он помнил отца так, словно он был единственной опорой его жизни. Чувство защищённости и восхищения. Именно так откликнулся отец в его сердце. После того, как отца не стало, пришлось нелегко. С того самого дня, как он пришел в себя, он знал, что как прежде уже не будет никогда. С тех самых пор, как смог осознать, что произошло не только с его отцом, но и с ним самим он живет так, словно есть одна четкая отметка до того самого дня, как ему придётся пройти за Полотно, чтобы стать одним целым со зверем. Слава Парящим, у него остался Совет Двенадцати и мать, которые понимали, что наследник нуждается в их защите,

пока они не найдут способ всё исправить. Способ так и не нашли. Осколок его души был утрачен, и как это исправить не знал ни он сам, ни те, кто был верен Империи. Проклятый Игнэ своим поступком поставил их мир на грань уничтожения. Нить Жемчуга Императора – это не просто слова. Это опора, на которой зиждется стабильность в их стране. Двенадцать эвейев встают в Нить, чтобы возглавить Совет и стать опорой Императорской власти. Но, самое главное, двенадцать должны «парить» в унисон, их энергии должны иметь особенное сочетание, чтобы дарить Песнь жизни целому континенту. Пока Нить не будет выстроена вновь, не будет ни стабильности в их землях, ни процветания. Именно этого от него ждёт народ, элита, общество и даже враги. Нить распалась пятнадцать лет назад из-за одного... Даже в мыслях Китарэ не мог подобрать подходящего слова для этого эвейя. Как мог этот мужчина стать одной из жемчужин нити отца? Как?! Предатель.

Каждый раз стоило ему начать думать об этом эвейе, его обурежала ярость. А теперь и ещё один сюрпризик от лучшего друга! Как он только сумел уговорить Совет пригласить это отродье пройти подготовку вместе с ним и теми, кого он уже отобрал? Ему не хватало двенадцатого эвейя, чтобы замкнуть Нить. Но, быть не может, если этим кем-то станет проклятое дитя Нирома Игнэ.

– О, чем задумался? – голос Дилайя, точно лезвием ножа прошёлся по оголенным нервам.

Китарэ резко обернулся и презрительно взглянул на друга. Гематома на его утонченном лице до сих пор не сошла, тем забавнее казался этот щеголь в дорогом кимоно и с фингалом под глазом.

– Думаю о том, как пригрел змею на груди, – зло ответил он.

Улыбка мигом слетела с губ парня, и он несколько смущенно потупился.

– Не думаю, что ты прав. Да, и сам ты не можешь мыслить так узко! Всё это твой гнев и тебе стоит избавиться от него. Есть дела поважнее.

– Да, что например?

– Наследник Дома Игнэ ожидает у входа в Храм, – затаив дыхание, сказал друг.

– И?

– Ну, согласно правилам...

– К демонам правила! Пусть ждёт. Я приду туда, когда посчитаю нужным, а не тогда, когда удобно ему.

– И, чем ты собираешься заниматься? Так и будешь торчать на крыше?

– Чем плохо, если я буду торчать на крыше? – поинтересовался Китарэ, из чистого упрямства.

На самом деле у него были и другие дела. И, даже если бы их не было, он нашел бы чем себя занять прежде, чем дать своё дозволение на вход. Пусть ждёт, как принято у крестьян... а, может, и дольше.

– Я не собираюсь пропускать занятия потому, что тебе пригрезилось, что это отродье может быть полезным. Идём, – решительно сказал он, бросив последний взгляд на город, который хорошо просматривался с крыши учебного кампуса. Он любил проводить время вдали от суеты учебных корпусов. Здесь, он по крайней мере, мог попытаться найти покой внутри себя. Избавиться от неутраченного гнева, что стал его верным спутником с того самого момента, как его мир перевернулся, а его душа распалась на тысячи осколков.

* * *

Храм Двенадцати Парящих – это не столько сам храм, как огромная сеть из учебных корпусов, библиотек и общежитий. Вот только всякий прибывший должен получить своё дозволение войти через главные ворота. Обычно это происходит раз в оборот, когда Император даёт своё благословение на обучение всем прибывшим эвейям. Для этого есть определённый день. Я прибыла, спустя месяц после обычно условленного срока. Наверное, потому пропускать меня никто не спешил. Я глупо стояла возле огромных ворот, которые держались на трехметровых каменных стенах. Увидеть то, что скрывалось за ними, не представлялось возможным, как и узнать, правда ли смотритель доложил о моём прибытии. Без одобрения наследника внутрь не попасть.

– Стоит позаботиться о лошадях, – сказала я, смотря на то, как заботливо Рэби поглаживает свою Капельку.

Рыжая кобыла, точно поняв, о чем говорят, нетерпеливо всхрапнула.

– Я видел тут недалеко постоялый двор, – согласно кивнул Рэби. – Справишься сама?

– С чем? – изогнув бровь, поинтересовалась я. – С тем, чтобы постоять у ворот? Конечно, ступай.

Всё равно, начиная с этого момента наши пути с Рэби в некотором смысле расходятся. Внутрь могут входить лишь эвейи. Для всех остальных ход закрыт.

– Я сниму комнату и буду там, как только сможешь выбраться, ты знаешь, где меня найти, – отвязывая мои сумки с вещами, сказал он, ставя их у моих ног.

– Не волнуйся, всё будет хорошо, – заверила я его в том, в чем и сама не была толком уверена.

Рэби давно скрылся за поворотом, ведущим на центральную улицу города. Ворота оставались заперты. Тяжело вздохнув сдавленный горячий воздух, я довольно отчетливо поняла, что ожидание затянется. Будь я действительно воспитанной в лучших традициях благородных домов, то это меня несомненно оскорбило бы. Но, я знала, что на теплый приём рассчитывать не стоит. У меня не было права даже думать, о том, что двери предо мной так просто откроются, потому я просто ждала. Сегодня, завтра, может быть, послезавтра, кто-то да выйдет...

Пока мы ехали к Храму, теплый ветер помогал справляться с душной осенней жарой. Сейчас, в плотно закрывающей

изъяны моего тела одежде было тяжело. Уже через несколько часов пот лил градом, щипля глаза. Дыхание сбилось, ногу ощутимо потрясывало. Впервые я так долго путешествовала, теперь ещё и это. Я могла бы опуститься на землю, вот только в ожидании наследника, у меня не было такого права. Всё, что я могла себе позволить, это подойти к стене и слегка опереться на неё, перераспределяя нагрузку так, чтобы немного разгрузить травмированную ногу.

Был ли наследник здесь? Приедет ли в ближайшее время? С каждой прошедшей минутой становилось вполне понятным, что спешить точно не станет. Да, возможно, всё это было лишь чистой формальностью в моём конкретном случае? Понятно, что это нормально для обычного дня принятия в Храм, но, быть может, формальности не так и важны, когда дело касается наследника проклятого Игнэ? Я очень надеялась на это.

– Парящие, во что я ввязалась? – пробормотала я, понимая, что вовсе не поручусь, сколько ещё смогу простоять, прежде чем нога окончательно потеряет чувствительность.

Прикрыв глаза, я позволила своему сознанию отойти на задний план. Ровное глубокое дыхание. Каждый вдох приносит покой. Выдох, позволяет мне опускаться всё глубже. Там тепло и темно. Там нет усталости и грусти. Там я могу отдохнуть и позабыть, о том кто я? Где? Там, в этом маленьком тихом месте, нет ни времени, ни усталости. Есть только тишина и умиротворение.

Когда-то очень давно Рэби научил меня находить внутри себя источник, как место силы, где я могла бы восстановиться и отдохнуть. Эвейи называли эту технику медитацией. Рэби говорил просто: отдых для башки в крутом месте. Не знаю, где отдыхал он, но я могла раствориться лишь в темноте.

В себя я пришла неожиданно. Должно быть, что-то изменилось вокруг меня. Отдых отдыхом, но для тех, кто однажды выбирает для себя путь меча, полностью отключать инстинкты губительно. Открыв глаза, я далеко не сразу смогла сообразить, где я и что происходит? Во-первых, за время, что я провела, восстанавливая свои душевные силы, в Мидорэ наступила ночь. Во-вторых, с ночью пришел самый настоящий ливень, который сейчас грузными каплями стекал по моему лицу, легко проникал сквозь одежду и обувь. За считанные секунды я промокла до нитки! А, может быть, я уже давно стою, облокотившись о каменную стену, и мокну под проливным дождём. Как знать?

Моя двоюродная сестра Расха всегда очень остро переживала тот факт, что наш род оказался в столь бедственном и невыгодном положении. Конечно, это и не мудрено. Обидно, когда ты красива, умна, имеешь благородное происхождение, но при этом ни один из великих родов эвейев не пожелает принять тебя в свою семью, если только ты не возьмёшь верх над силой крови и не призовешь дракона в этот мир. Что для женщин уже неслыханная редкость! Тогда, по-

жалуй, шанс есть. Но...это было слишком маловероятно. Я всегда знала, что мне нечего ждать. Я не помнила о том, каково это быть членом всеми почитаемой семьи. Это не тяготило меня, просто потому, что когда ты уже на дне, то для тебя это нормально. Мой отец сделал это с нами. И, как бы там ни было, это и моя вина. Таков мир и законы в нем. Я просто эвей, который по каким-то необъяснимым причинам, всё ещё очень хочет жить.

Глаза невольно начали слипаться. Сначала мне было очень холодно, но сейчас уже ничего. Я перестала чувствовать собственное тело. Наверное, слишком устала за прошедшие дни. Нога то и дело подламывалась, и стоять становилось всё тяжелее. Рэби никогда не относился ко мне как к инвалиду. Я и сама не делала себе никаких поблажек. Но, тело-то знало. Его не обманешь.

– Демоны, – со злостью ударила я кулаком о стену, надеясь, что хотя бы боль поможет мне прийти в себя.

Из последних сил я пробуждала внутри себя гнев. Сквозь плотные воды апатии и усталости, он с неохотой ворочался внутри. Только благодаря ему однажды я смогла выжить. Благодаря ярости, я черпала силы внутри себя. Только, когда сердце горит огнем, а душа существует на тлеющих углях, я могу двигаться вперед. Это моя мотивация. Мой способ выживать.

Я так надеялась, что никто и никогда не заставит меня даже пытаться пройти сквозь Полотно. Так, надеялась, что

смогу сохранить...себя. Да, одно из условий пробуждения крови – это единение с родной стихией. Но, хуже всего даже не это. Стоит пробудить кровь, пусть даже немного и не овладеть зверем, как уже начнёшь платить за те крохи могущества, от которых уже никогда не сможешь отказаться. Моей тётке больше шестидесяти оборотов. На вид не дашь и двадцати. Огонь поёт в её крови, а кровь огненного эвейя даёт силу и молодость... ровно до тех самых пор, пока тлеет где-то глубоко её душа. Я не знаю, каково это, день за днём отдавать часть того, что гораздо больше, чем тело или деньги просто за то, чтобы время от времени творить заклятия и иметь молодое тело. Как по мне, оно того не стоит. Я не желаю отдавать то единственное, что у меня осталось за сомнительное удовольствие увидеть ровную кожу на своем теле.

– К демонам преисподней их всех! – в бессильной ярости прошипела я, когда ворота рядом со мной слегка отворились.

Глава 3

В полумраке спортивного зала, каждое его движение казалось чем-то сродни танцу. Выверенное, отточенное и в то же время пластичное, наполненное необъяснимой силой и грацией. Меч в его руке казался продолжением его самого, неотъемлемой частью единого целого. Сейчас, когда ночь накрыла плотным покрывалом из облаков и дождя Мидорэ, единственное, чего хотел Китарэ, это найти точку опоры, равновесия. Привести в порядок мысли. Дать необходимую нагрузку телу и спокойствие разуму. Порой ему казалось, что он бежит куда-то, не разбирая дороги и не понимая, к чему в итоге придёт. Эта бесполезная возня в попытках найти выход из безвыходной ситуации. Вопросы, на которые у него не было ответов. Постоянная борьба с гневом и яростью, что порой просто сводили с ума. Увечная душа давала о себе знать, как бы сильно он не пытался себя контролировать. Его верные спутники: раздражение, гнев, ярость. С каждым годом, ему было всё хуже. Он забыл, когда в последний раз смеялся. Забыл, что значит просто спать, отдыхать, наслаждаться чем бы то ни было. И всё бы было ничего, он это понимал вполне отчетливо, если бы следом не пришли провалы в памяти, припадки, потеря сознания, концентрации... Пока не столь часто, можно сказать, некритично... для человека, но не для будущего правителя. Не для того, кому предстоит обуздать

дракона и объединить в единую Нить двенадцать драконов.

Каждый Император при своем восхождении выбирает двенадцать эвейев, которые замыкают круг жизни, баланса силы, магии и природы. С тех самых пор, как погиб его отец, Империя замерла в нерешительности. Любой неловкий шаг, может послужить причиной катастрофы. Разорванная нить нестабильна. Да, «жемчужины» его отца всё ещё пытаются удержать баланс, но насколько их хватит? Он не знал. Никто не знал. Если бы он только мог вспомнить, что с ним произошло пятнадцать оборотов тому назад? Для чего он шагнул за Полотно и искалечил себя, черпнув силу в том возрасте, когда плата за неё может быть слишком высока. Возможно, он пытался спасти отца? Себя? Почему он ничего не помнит о том времени? Его воспоминания словно обрываются в тот самый день, когда они с отцом отправляются в путешествие на север и появляются вновь в тот день, когда ничего уже не изменить.

Тогда он пришел в себя уже с совершенно белыми волосами цвета первого снега. Такие же были у его отца, а это могло значить лишь то, что он пересёк невидимую грань между их миром и миром духов, черпнул силу у своего отражения, и вернулся назад уже иным, отдав часть себя за мнимое могущество? Что могло толкнуть его на тот путь? Вопросы, ответы на которые могли бы ему помочь? Он не знал. Но...

Невольно споткнувшись на отработанном движении, он замер.

Возможно, есть кое-кто, у кого могут найтись ответы для него?

Сама мысль о возможном, разбила в дребезги гладь много спокойствия. Гнев огненной волной прокатился по его телу, заставляя с силой сжать меч.

– Ситан, – громче, чем следовало, позвал он пожилого слугу.

Дверь в спортивный зал приоткрылась, а на пороге возник уже немолодой мужчина-эвей. Слишком слабый, чтобы быть кем-то иным в услужении при Храме, чем слугой. Его форменное темно-синее кимоно, как и небольшая темная шапочка на макушке, свидетельствовала, о его положении. Мужчина тут же глубоко поклонился и не спешил выпрямиться, ожидая дальнейших указаний.

– Эвей Дома Игнэ, что прибыл сегодня, где он? – холодно поинтересовался молодой мужчина, бережно убирая меч в ножны, что лежали на одном из стеллажей вдоль стены.

– Всякий пришедший просить дозволения войти в храм, более не подвластен ни своим желаниям, ни иной воле, до того момента, как двери будут открыты или будет объявлено о том, что они не откроются никогда. Он ждёт там, где и следует, Ис, – монотонно отозвался слуга, стараясь не допустить в голосе недозволительных его статусу эмоций. Но Китарэ не был бы наследником рода Аурус, не почувствуй он нотки гнева и отвращения. И, как это ни странно, он был благодарен, что слуга его отца, а теперь и его, разделяет с

ним одни и те же эмоции.

– Помоги мне одеться, Ситан, наш гость достаточно ждал, – сказал Китарэ, надеясь, что возможно, он не убьёт этого эвейя прежде, чем тот успеет хоть чем-то быть ему полезен.

* * *

За всю свою жизнь, я видела лишь трёх «воплощенных душ драконов» или, как нас принято называть, эвейев. Считается то, что эвей имеет в этом мире тело похожее на тело человека, а в мире за полотном его душа парит в образе дракона. Когда подходит срок, если тело достаточно сильно и подготовлено, то дракон может соединиться с тем, кто является его отражением, чтобы соблюсти баланс в этом и ином мире. Не знаю, насколько всё это правдиво, но Дорэй в своё время не смогла установить достаточно плотную связь. Мои кузены пока не смогли и не известно смогут ли. Так что, говоря о том, что я видела троих, я могу смело сказать, что не видела ни одного. Потому, стоило дверям ворот распахнуться, я честно не знала, чего ожидать. От огня, что пел в крови Дорэй, мне всегда было не по себе. Я побаивалась себе подобных, опасаясь того, как моё тело и разум может отреагировать на ту силу, которой обладали уже полноценные представители эвейев. А, ещё, в тот момент, когда огромные ворота из темного дерева, всё же приоткрылись, я поняла, что совершенно неважно, кто оттуда выйдет. Встречать его

я буду

уже на коленях.

Всё происходящее вдруг показалось мне сном. Мой разум воспринимал всё так, словно я стояла где-то в отдалении и наблюдала со стороны. Ко мне приближался высокий мужчина, в кимоно цвета ночи и серебра. Из-за ливня и усталости, я не могла разглядеть вышитый на нем узор. Но мне казалось, что грузные капли не переставшего лить дождя, не касаются его светлых волос, лица и тела, а словно попадают на невидимый мне полог, и рассеиваются мириадами крошечных капель. Он ступал твёрдо. Весь его вид говорил о силе и уверенности в себе. Точеные черты лица, которые из-за холодности его взгляда, казались высокомерными, темные брови в разлёт и светло-голубые глаза, точно два самых настоящих осколка льда...

На миг мне показалось, что прямо на меня надвигается нечто неотвратимое, против чего мне не выстоять ни за что и никогда, голова слегка закружилась, а сердце по непонятным мне причинам, вдруг сковал болезненный обруч. Стало тяжело дышать. С силой сжав кулаки, я приказала себе во что бы то ни стало стоять. Если я упаду, то это будет просто позор тысячелетия. Конечно, мне следовало бы склониться в приветствии... Следовало бы выразить почтение, но я уже не чувствовала ног. Я не могла доверять собственному телу. Мужчина остановился прямо напротив меня. На вид он выглядел немногим старше меня, но я знала, как обманчива

природа эвейев. Внешность не определяет возраст.

Он смерил меня пристальным взглядом. Его темная бровь изогнулась, а губ коснулась презрительная усмешка.

– Как во сне, – пробормотал он, усмехнувшись, – жалкий, грязный и неотесанный наследник Дома Игнэ. Знал бы, вышел бы пораньше, чтобы насладиться зрелищем.

И, только в этот момент, в моем без меры глупом мозгу, промелькнула первая умная, но запоздалая мысль: «Дура, это же будущий Правитель! Поклонись! Умри, но приклони колени!»

На колени я просто упала, чувствуя, как ледяная жижа проникает сквозь плотную ткань брюк, и стараясь не думать о том, как жалко буду выглядеть, когда придёт пора подняться. Сложив руки перед собой, я склонилась в поклоне, которым должно любому эвейю впервые увидевшему наследника приветствовать его.

На севере всё совсем иначе. Это в Мидорэ царят традиции и правила. Я не знаю, как было до того, как мой отец совершил то, с чем нам всем теперь приходится жить, но в моих краях непринято кланяться, следовать нормам этикета и традициям, просто потому, что у всех есть задача поважнее – выжить. Пережить зиму, обеспечить себя и свою семью едой, найти способ существовать достойно. Всё, что я знаю об этикете – это то, что заставила меня прочитать Дорэй. К слову сказать, то, что необходим глубокий поклон, я знала,

но что делать дальше, понятия не имела. В голове с трудом складывалась мысль, что передо мной наследник. То, с каким презрением он говорил со мной, меня не тревожило. Во-первых, я привыкла к косым взглядам и злым словам, а, во-вторых, я бы тоже ненавидела его, если бы оказалась в противоположной ситуации.

– Вспомнил, где твоё место? Отрадно. Надеюсь, впредь не забудешь. То, что я позволяю тебе переступить порог в Храм Двенадцати Парящих Драконов – вовсе не делает тебя равным остальным. Не забывай, где твоё место сын предателя!

Я бы, наверное, закатила глаза на всю его тираду, поскольку ничего нового или особенно оскорбительного, он мне не сказал, но его последнее замечание меня несколько озадачило.

«Сын?!»

С другой стороны, всё равно, вряд ли ещё раз пересечёмся. Доказывать, что я немного не того пола, не было ни сил, ни желания. Скорее бы уже доползти хоть куда-нибудь, где будет достаточно сухо и тепло. Я ужасно устала. Я хотела спать. А, самое отвратное, я точно знала, стоит мне уснуть и как только мой разум немного отдохнёт, он почувствует, как тело сгорает в болезненной агонии судорог. Повреждённое тело обязательно отомстит этой ночью.

На некоторое время воцарилось молчание. Холодные капли дождя продолжали мерно колотить о мою спину. Холод вдруг стал превращаться в тепло и странное онемение всего

тела. Всё же, так рьяно кланяться, было ошибкой. Голова, почувствовав опору под руками, решила закрыть глаза, потому как я поняла, что задремала, лишь, когда послышался резкий голос у меня над головой.

– Отвратительное зрелище, – слова прозвучали так, словно наследник совсем не царственно сплюнул. – Можешь войти, – добавил он, а я лишь услышала, как его удаляющиеся шаги тонут в звуках дождя.

Набрав побольше воздуха в грудь, с силой заставила себя подняться, чтобы увидеть, как широкая спина наследника скрывается за открытыми воротами. Стоило ему уйти, как я поняла, что должна встать на ноги и войти, пока ворота вновь не закрылись. Подняться я смогла лишь с шестой или седьмой попытки. Кое-как подобрав свои вещи, я попыталась сделать шаг. Нога тут же подломилась, и я едва не упала в грязь лицом. Лишь чудом удержав равновесие, я предприняла очередную попытку. Сильно хромая, точно пьяный вдрызг забулдыга, я ковыляла к воротам, и лишь переступив заветный порог, поняла, что совершенно не представляю, куда двигаться дальше. Ночь и ливень укрыли территорию храма непроницаемым покрывалом тьмы.

– Идите за мной, – раздался неприятный скрипучий старческий голос, и я невольно вздрогнула, совершенно не ожидая, что кто-то меня ждёт.

Это был мужчина преклонных лет. В руке он сжимал странную палку, на которую было насажено полотно, кото-

рое хоть как-то защищало его от дождя. Я не успела толком его разглядеть, как он тут же встал передо мной и пошел вперёд. Спорить было не о чем. Спрашивать, куда мы идём, я не собиралась. Не думаю, что ему хотелось находиться на улице дольше необходимого, потому я просто поплелась следом. Когда всё страшное из того, чего обычно боятся, с тобой уже произошло, то приходит осознание: единственное, чего ты не сможешь пережить – это смерть. Наверное, это самое полезное знание, которое подарила мне эта странная жизнь.

Не знаю, сколько и где мы шли. Мне кажется, я уже пребывала где-то на грани беспамятства, когда мы вошли в здание. Единственное, что я смогла для себя отметить, так это то, что тут было тепло и не было дождя. Откуда-то сверху лился приглушенный свет, что позволяло различать стены и пол. Мужчина отряхнулся, точно промокший воробей, что-то повернул на рукояти палки и полотно вдруг сложилось.

С каждым шагом моргать, осознавать происходящее, переставлять ноги, становилось всё тяжелее. Когда же мы свернули в очередной коридор и стали подниматься по широкой лестнице, я и вовсе прокляла всё на свете. Всё, что я запомнила из остатка пути, это подъём по лестнице и невероятно долгое путешествие по длинному коридору, когда старик наконец-то остановился и как-то гадостно улыбнувшись, сказал:

– Покои для вас, – сунул мне в руки ключ, и, не дожидаясь ответа, посеменил прочь.

– Наконец-то, – тягостно вздохнула я, вставила ключ в скважину и повернула, с легкостью открыв дверь.

Почему этот мужчина так гадко улыбался, я не поняла. На самом деле, не хотелось сейчас об этом и думать. Стоило мне войти, как комната наполнилась чуть приглушенным сиянием, позволяя различать предметы и обстановку внутри. Одно осознание того, что у меня теперь будет магическое освещение, наполнило моё сердце радостью, немного приободрило и отодвинув на второй план все мои невзгоды. О таком я только читала и никогда прежде не видела!

Комната оказалась выше всяких похвал. Побольше той, в которой я жила дома. Здесь было несколько чистых одеял и подушка, так что можно было с комфортом спать на полу! Небольшой столик для письма и письменные принадлежности! Большое окно! И даже шкаф! Вся мебель добротная, совсем не похожая на те старые сундуки, что прежде выделяла мне Дорэй для хранения вещей и занятий письмом.

Машинально опустив вещи на пол, я восхищенно осматривала место, в котором мне предстояло прожить следующие полоборота. Вот, уж не ожидала, что меня так роскошно поселят! А, когда заметила ещё одну, на первый взгляд неприметную дверь, за которой оказалось моя личная уборная и ванная комната, я решила, что будь что будет, но можно получить немного удовольствия от проживания тут! На тот момент, у меня даже мысли не возникло, что для наследницы такого рода, как Игнэ, получить в пользование комнату

подобную этой – это оскорбление. Для меня лично она была прекрасной: чистая, теплая, с почти новой мебелью, местом для купания, с возможностью читать в ночное время суток.

– Может, я уже сплю? – счастливо улыбнулась я.

Дрожащими пальцами мне далеко не сразу удалось растегнуть все замочки на своей одежде, чтобы вылезти из неё. Наверное, произойди со мной такая история дома, я бы просто упала на свою постель как есть, но стоя рядом с воплощением своей мечты – новыми белоснежными одеялами – я просто не могла так поступить.

– Буду мыться, – решила я.

На освоение купальни не ушло много времени. Всё же я пользовалась чем-то подобным дома, только в моем распоряжении были общественные купальни, но принцип подачи воды в бадью, я знала. Не без восторга, я нашла на одной из полочек в ванной камень тоджи, который использовался для нагрева воды в основном в богатых семьях. На севере говорили, что эти камни добывают возле пяти великих спящих вулканов, и они умеют хранить тепло своих родителей долгие годы. Они не обжигают руки и тело, но нагревают воду. Я знала об их существовании, лишь потому, что у Дорэй и её детей были такие. И когда я была ребёнком, старая Тильда показывала мне их. Конечно, стоили они довольно дорого, потому кому-то вроде меня они не полагались.

Долго не раздумывая, я опустила камень в уже полную бадью, а следом залезла и сама.

На самом деле, процесс омовения всегда был малоприятной процедурой. В основном потому, что это были общие купальни. Хотя я и привыкла воспринимать себя как просто существо без пола и тела, стараясь не заикливаться на собственном уродстве, мне всё равно было неприятно, когда кто-то другой видел мои шрамы. Повреждена была вся левая сторона: нога, рука, бок, шея. Лицо задело не так сильно, скорее шрамированная кожа на шее тянула вниз уголок рта, отчего казалось, что я всегда замышляю «что-то гадостное или насмехаюсь над окружающими». Так однажды обозначил мою гримасу Рэби. Как бы я не отрицала этого, но я стеснялась себя. Мне казалось, что когда люди видят мои несовершенства, я становлюсь жалкой и слабой в их глазах. Это было отвратительное чувство, с которым я пыталась бороться всю свою сознательную жизнь, просто потому, что и сама знала, что такая и есть. Если бы с утраченными воспоминаниями, я забыла бы и страх перед стихией, которая должна была бы стать моей судьбой, то всё было бы гораздо проще!

Мне не нужны Турийские леса и земли моего рода, но я не отказалась бы стать единым целым с отражением своей души и стать полноценным эвейем. Так, я смогла бы стать полноценной хоть в чем-то.

Нежданное тепло расслабило уставшие за этот бесконечный день мышцы. Нога противно ныла, но если бы не теплая вода, я бы сейчас выла и каталась по полу от той боли, что

могла бы быть. Я и сама не заметила, как мои веки налились свинцовой тяжестью, и я провалилась в тяжелый сон, больше всего напоминающий ловушку из тьмы и тишины.

Должно быть, впервые за всю свою сознательную жизнь я спала, не видя кошмаров и не чувствуя боли. Как не сложно предположить, проснулась я в той же бадье, что и уснула. Вода была всё такой же тёплой, как и ночью, но кожа на моих пальцах сморщилась и стала напоминать мокрую бумагу. Тело немного затекло от неудобного положения, но в целом, я чувствовала себя как нельзя лучше.

Только оказавшись в комнате и поняв, что, судя по цвету неба за окном, сейчас раннее утро, я поразились тому, насколько хорошо себя чувствую, несмотря на короткий сон и прошлую усталость.

Открыв мешок со своими вещами, я невольно поморщилась. Всё было мокрым, и затхлый запах прелой ткани уже успел появиться.

– Прекрасно, – пробормотала я, выкладывая свои вещи на пол. Даже примерно не представляя, где всё это стирать и сушить.

На самом деле гардероб мой был довольно скудным. Вещи, что некогда принадлежали моему старшему кузену, я старалась поддерживать в чистоте и аккуратности, просто потому, что знала, что ничего нового для меня в ближайшие обороты не предвидится. Мне очень нравились красивые кимоно моей тётки и сестры и я бы с удовольствием носила что-

то подобное, если бы... Одним словом, к чему курице красивое платье, от этого она не перестанет быть курицей. Одежда старшего брата подходила лучше. Когда-то у него были повседневные кимоно из простых тканей и непримечательных оттенков. Вот, они-то были тем, что смотрелось на мне так, как я того заслуживала. Мне казалось, что так я меньше привлекаю к себе внимания. Телесные уродства на севере – это всего лишь любопытство окружающих, жалость с толикой пренебрежения и отвращения. В Мидорэ уродство это позор, особенно для женщины. Тело девушки должно быть чистым и прекрасным. Конечно, это я не сама придумала, так однажды сказал Эдор, мой двоюродный брат. Из всех членов своей уцелевшей семьи, я обоснованно могла ненавидеть лишь тётку. Она всегда старалась сделать мне больно, унижить, вытащить наружу все мои так тщательно скрываемые страхи. Эдор и Расха были не такими. Они просто старались не замечать меня. Для кого-то такое пренебрежение было бы оскорбительным. Для меня же было радостно оставаться в их тени как можно дольше. Мы держали нейтралитет в отношении друг друга и, пока они не трогали меня, я не трогала их. Не стоит заблуждаться на мой счет, я могла быть закомплексованной, неуверенной в себе, страдающей от фобий и непонятных мне приступов удушья, но я никогда не была и не буду жертвой. Порой я могла быть жестока и вспыльчива, что, как мне кажется, естественно для огненного эвейя.

Так или иначе мне было нечего одеть в мой первый день в Храме Двенадцати. Сама ситуация из разряда нарочно не придумается.

– И, что мне делать? – ни к кому конкретно не обращаясь, пробормотала я.

Да, вопрос «что мне делать» относился не только к одежде, но и к моим дальнейшим действиям. Час красного петуха уже наступил, и небо за окном покрылось багрянцем, а стало быть, совсем скоро все эвейи, что находились в стенах храма, отправятся на молитвы и занятия. Вопрос вставал следующим образом: куда идти мне?

В тот самый момент, когда я уже было решила просто остаться в комнате до того самого момента, пока моя одежда не высохнет, в дверь легонько постучали, а под дверь просунули небольшой желтый лист бумаги.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что это письмо для... «Иса Игнэ»

«Ис Игнэ»

Первые строчки заставили вновь напрячься. Почему я уже второй раз слышу к себе мужское обращение?

«Час красного петуха настал, а стало быть, я уже имею дозволение потревожить ваш сон».

– Конечно, сон, как же, – буркнула я, продолжая разбирать корявый почерк.

«К часу пёстрой сойки вам должно явиться в Храм Двенадцати Парящих. Ваша форма, сменная одежда и кимоно

для занятий Тэй До я оставлю на пороге. Прошу вас не гневаться, что не передаю вашу одежду лично, но прерывать сон до того, как час красного петуха истечёт, я не имею права. Кван».

На самом деле, когда я дочитывала письмо, моё сердце радостно стучало в груди. Кем бы ни был этот загадочный Кван, он уже был моим спасителем! Удивительно, как же удивительно! Кажется, впервые за мои двадцать лет удача так ярко улыбается мне! Сначала комната, теперь это... Счастье скрывается в мелочах!

Конечно, считается невежливым оставлять, что бы то ни было под дверью, но лично мне всё равно.

Взяв одну из аккуратно сложенных в углу простыней, я основательно в неё замоталась, и отворила дверь. Действительно, на пороге лежал громоздкий свёрток, обернутый в ярко-алую ткань, а сверху бережно уложено несколько свитков. Затянув нежданное богатство в комнату, я тут же принялась рассматривать подарки. Уже через полчаса я стала счастливым обладателем трёх пар кимоно, две из которых относились к повседневной одежде, а одна представляла собой упрощенный вариант для занятий по рукопашному бою. Стоило развернуть свитки, чтобы осознать всю степень моего везения: здесь было расписание и карта храмового комплекса.

Лишь одно вновь напрягло меня. Вся одежда состояла из

брюк, куртки до середины бедра, натальной рубахи, пояса и длинного халата тёмно-коричневого цвета с широкими рукавами, которые мужчины зачастую использовали вместо карманов. Говоря проще, это была мужская одежда, но которая была действительно моего размера. Что это? Так принято? Меня принимают за мужчину? Как такое возмож...

«– Эдор, не спорь со мной! Пока, Ивлин здесь, нам всем не о чём беспокоиться!»

– А, если...

– Даже «если», то ошибки случаются. Они ничего не докажут. Не о чем переживать.

– Но ты не можешь не осознавать...

– Замолчи немедленно, – сквозь зубы прошипела Дорэй. – Много ли ценности в женщине? Наша энергия слишком слаба, чтобы совладать с духами драконов за полотном. Это все знают, тем более это известно Совету. Моя надежда это ты, сынок. А гарантия того, что у тебя будет шанс – это она.

Пока они верят в то, во что я хочу, у нас ещё есть шанс сберечь род и семью. Ив никогда не решится пройти за полотном. Я точно знаю».

Несколько лет назад разговор, свидетелем которого я случайно стала, заинтересовал меня. Тогда, я подумала, что может быть масса причин, почему мне лучше оставаться в Турийских лесах. Мне казалось, Дорэй говорит о том, что из-за своей увечности и фобий я не смогу отправиться в Мидорэ. Она в общем-то была права. Так и было бы. Но до то-

го момента, как всем стало бы понятно насколько никудышная наследница была у Нирома Игнэ, Эдор уже смог бы вступить в права рода (возможно) и возглавить семью. Но, сейчас, сквозь неясную пелену предчувствия, мне казалось, что не всё так просто. Рэби говорил, что у меня «звериное чутьё». Я бы сказала, что это происходит со мной периодами. Иногда я просто знаю ответы на вопросы, которые тревожат меня. Чувствую их. Вот и сейчас я ощущала, что это всё не просто ошибка. А самое главное, теперь я не знала, как именно должна себя вести? Стоит ли мне обратиться к кому-нибудь и сообщить о том, что возникло недоразумение? Но в то же самое время, какой бы стервой не была моя тётка, дурой она не была никогда. И если каким-то непостижимым образом ей удалось сделать из меня мальчика... то это было необходимо. Вот, только кому? Не думаю, что дело было прежде всего в моём благополучии.

Мысли, сомнения, страхи – вот, лишь та малая часть того, что теперь тревожило моё сердце. Я ненавидела ложь. Какой бы сладкой, полезной на первый взгляд и умиротворяющей она не была. Ложь – это притворство, которое не даёт тебе ничего, кроме фантазий, которым не суждено сбыться. Моя тётка была соткана из несбыточных надежд и чаяний. Она жила ими, грезила о них, жертвовала и теряла то малое настоящее, что у неё было, лишь во имя того, что было безвозвратно утрачено и вряд ли станет чем-то настоящим вновь. Мой отец уничтожил прошлое рода Игнэ, моя тётка разру-

шала наше настоящее, пытаясь отсрочить неизбежный финал для нас всех. Почему она не предупредила меня о том, что сделала? Решила, что если меня раскроют, то это будет выглядеть, как нелепая ошибка? Решила, что так будет проще подтвердить, что я действительно ни о чем не догадывалась и что это не вина нашего рода, что меня записали в мальчишки? Или решила, что Эдору осталось всего полоборота обучения и ему уже в любом случае ничего не угрожает? В конце концов, кто я была такая, чтобы понимать, как работает мозг Дорэй Игнэ...

Сделав глубокий вдох, я оправила белоснежный пояс на своём бежевом кимоно, поправила ворот темно коричневого халата, убедившись, что моя шея хорошо прикрыта, затянула в тугий пучок часть волос, позволив диной челке спадать по левой стороне лица, и вышла из комнаты. Что бы там ни было, мне не о чем переживать. Полоборота – вот, отведённый мне в стенах Храма срок. Я не стану думать ни о бывшем величии рода Игнэ, ни о репутации ненавистных мне родственников. И уж тем более, я не стану никому ничего доказывать. Спросят – скажу, а если нет, то плевать. Я не стану разбираться с тем ворохом лжи, что нагородила Дорэй. Её проблемы. Я не знаю, просто не знаю, что должна делать сейчас, чтобы выжить. Я не уверена, что это в принципе возможно. Но я буду думать об этом.

Мне пришлось потратить некоторое время, чтобы сориентироваться и найти выход из общежития, в котором меня

поселили. К слову сказать, я могла бы провозиться и дольше, но вместе со мной выходили из своих комнат и другие эвейи, (стоит отметить, все они были мужчинами, что лишний раз подтвердило мои подозрения относительно «недо-разумения»), которые все, как один устремлялись в одну и ту же сторону. Я просто следовала за ними, стараясь запомнить все переходы, коридоры и лестницы. Встреченные мною эвейи были одеты в одинаковые кимоно, и казалось, были похожи друг на друга, как братья близнецы со своими косами и тугими пучками. Стоит ли мне заметить, как они косились на мои волосы? Я пробовала прически, что носили они и были традиционными в Артакии. К сожалению, когда я забирала волосы в тугий пучок, выражение моего лица становилось просто «зверским», как заметил Рэби, а с челкой я вроде как «печалилась».

* * *

– Китарэ! Китарэ!?! – голос Дилая, эхом разносился по ещё спящей прихрамовой площади. – Постой же!

подавив глубокий вдох сожаления, что был замечен так не вовремя, Китарэ остановился, ожидая пока Дилай нагонит его.

Час красного петуха только наступил, до начала общих медитаций и молитв оставалось ещё два часа. Это время Китарэ хотел провести в одиночестве.

Сейчас, пустынное пространство, высланное розовым

камнем возле входа в огромный храм Двенадцати Парящих Драконов, эхом разносило шаги приближавшегося друга. Поговаривали, что тут могли одновременно медитировать до тысячи эвейев при этом, не касаясь и не мешая друг другу. Учитывая размеры площади, Китарэ в этом не сомневался. В Храм Двенадцати вели ступени, которые лишь указывали на статус святыни, заставляя само сооружение точно парит в небесах. Оскаленные морды огромных драконов, которые словно отдыхали на протяжении всей лестницы, молчаливо наблюдали за каждым, кто изъявлял желание обратиться к богам со своей просьбой. Даже Китарэ, который видел эти статуи с самого детства, до сих пор испытывал непонятный трепет и волнение, приближаясь к храму и будто чувствуя пристальный взгляд каменных чудовищ.

– Ненавижу, когда ты так делаешь, – усмехнулся Дилай, останавливаясь напротив друга. Сейчас они оба были облачены в светло-бежевые форменные кимоно и халаты. Во время учёбы ученики не должны были выделяться. Статус, положение, богатство не играло никакой роли.

– Как? – изогнув бровь, поинтересовался наследник.

– Делаешь вид, что глухой, – фыркнул он. – Я знал, что если тебя нет в твоих комнатах, значит ты тут, – выпалил Дилай, не дожидаясь пока Китарэ просто прервёт разговор, развернётся и уйдёт. – Какой он? Ты видел его?

– Кого? – холодно поинтересовался Китарэ.

– Его, – выразительно поиграв бровями, повторил Дилай,

но так и не дождавшись ответа, всё же добавил, – Игнэ.

– Видел.

– И?

– И ты сам скоро его увидишь.

– Ты... – несколько замялся парень, – не почувствовал ничего необычного? Может быть, течение его жизненной энергии как-то по-особенному отозвалось в тебе?

Некоторое время Китарэ молча смотрел на друга. Со стороны могло показаться, что он и вовсе проигнорировал его вопрос. На самом деле, молодой человек пытался совладать с собственными эмоциями, чтобы не позволить им взять верх над разумом.

– Нет. Всё, что я почувствовал, это сожаление, что вышел к нему. Более жалкого недоразумения я в жизни не видел, – сквозь сжатые зубы, сказал Китарэ, вспоминая наглую усмешку, что играла на губах чужака, пока тот не вспомнил, что надо бы встать на колени перед будущим правителем. Никогда прежде на него не смотрели, как на ничего не значащее пустое место, да ещё и насмехались при этом.

Вернувшись в собственные покои, Китарэ долго не мог взять под контроль гнев. Тогда ему, пожалуй, впервые захотелось, провалиться в один из своих приступов, что выпьет его силы до дна и даст временное забытьё. Чего он ждал от этой встречи? Он и сам не мог понять, что именно его так разозлило, встревожило? Казалось бы, всё прошло как нельзя лучше. Говорят, что нет зрелища, которое принесло боль-

шее удовольствие, чем враг, что приклонил перед тобой колени. Теперь он знал, какой это бред. А быть может, ему всего лишь становилось хуже...

Перед глазами вновь встал образ наследника дома Игнэ. Совсем невысокого роста, можно сказать, тщедушного телосложения. Черные как смоль волосы, заплетённые в тонкие косички, и сложенные в какую-то замысловатую, дикую причёску, когда часть волос прикрывает левую сторону лица. Взгляд столь же черных раскосых глаз, показался ему холодным и надменным, как и выражение его лица. Он смотрел на него, словно не понимал, кто перед ним. Будто даже не испытывал и толики смущения. Хотел ли сам Китарэ видеть на дне этих глаз покаяние? Признание вины за смерть отца? Мольбу о прощении? Или ждал увидеть в них вызов? Но не было ничего, кроме безразличия, надменности и холодности. Почему это задело его? Он не брался давать ответ на этот вопрос. Он вырос среди придворных дам и мужей и давно не питал иллюзий на счет того, какие эвэйи и люди его окружают. Так, чего же он ждал от этого мальчишки?

Много лет назад, Совет единогласно принял решение о том, чтобы официально признать смерть Нирома Игнэ и его отца случайностью. И, дело было, конечно же, не в великодушии. Дело было в будущем. Любой, кто поднимет руку на члена Императорской семьи, должен быть казнён вместе с детьми, женами, ближайшими родственниками по крови, а это бы значило вырубить весь род Игнэ под корень. Дру-

гими словами, прервать сильнейший род огненных эвейев и поставить под удар баланс и страну. Говорят, из двух зол выбирают меньшее. Совет выбрал пространный формулировку: «погибли при невыясненных обстоятельствах». Хотя все знали, какими именно были эти обстоятельства, остаткам семьи Игнэ позволили продолжить существование. Возможный вред для империи, если наследник Игнэ последует вслед за отцом, посчитали большей опасностью для баланса сил, чем позволить оставить смерть Императора без должного возмездия.

Как бы там ни было, совсем скоро он узнает, был ли смысл в таком решении? Или следовало и впрямь оборвать проклятую ветвь.

Пока можно было сделать лишь предварительные выводы о том, кто потенциально сможет занять место в его Совете. Из всех эвейев, что сейчас готовились вместе с ним ступить за Полотно, идеально подходило одиннадцать. Конечно, всё зависело и от самих претендентов, не смалодушничают ли они. Но ещё ни разу за всю историю их мира не было таких прецедентов, чтобы намеченная Нить не была собрана в единое «ожерелье силы». Ему не доставало последней мелодии, как и важной части его самого. Надежды, что питал Дилай относительно потомка Игнэ, сам Китарэ не разделял. Тем более, сейчас, после встречи с этим мальчишкой. Он просто не может быть тем, кто идеально совпадёт с его вибрациями.

– Тогда, почему пришел сюда в столь ранний час? Верховный Эвей вот-вот должен подойти, – хитро прищурился друг. Дилай принадлежал к роду Пэа, стихией их рода считался воздух. Должно быть, даже в непробуждённых Эвейях стихия всё же могла влиять на характер. Именно потому Дилай мог легко находить общий язык с кем угодно, даже с таким, как Китарэ он умудрялся не робеть и выискивать способы для их дружбы. Китарэ был благодарен другу, что тот не сдавался.

Глубоко вздохнув, мужчина всё же решил ответить:

– Не стоит тянуть. Если он подходит, то я хочу назначить день и час, когда мы сможем узнать так ли это.

Глава 4

Из свитка, который мне достался вместе с одеждой, я знала, что именно в час пёстрой сойки все те эвейи, что в серъёз намереваются пробудить свою кровь и пройти за Полотно, направляются к Храму Двенадцати, чтобы совершить молитву и начать новый день с коллективной медитации. Поэтому, особенно не задумываясь, я влилась в общий поток, и шла, стараясь придерживаться общего ритма. Хотя я и привыкла к бескрайним лесным массивам, огромным горам и широким рекам, для меня было в диковинку, что улицы могут быть такой ширины, что будь они рекой, по ним с лёгкостью бы параллельно скользило несколько лодок. Уже позже я узнала, что каким-то образом вывернула на центральную улицу, ведущую к Храму. Казалось, что вроде бы я где-то в лесу или саду одновременно, но в то же время, мощённые розовым камнем дороги, аккуратно высаженные деревья, повсюду места для отдыха, здания, точно спрятавшиеся в зелени и цветах. Я впервые видела нечто подобное и крутила головой, словно самая настоящая деревенщина. Даже такое количество моих братьев вокруг, не интересовало меня так сильно, как это удивительное, впечатляющее место. Да, и кем собственно было? Кругом одни мужчины в одинаковых одеждах, а вскоре к нам присоединились и девушки, с единственной разницей, что их кимоно было традиционного

пошива для женщин, но в той же цветовой гамме.

Невольно я задумалась, как бы было здорово оказаться здесь, как просто Ив без бремени рода и деяний отца? Без страхов и шрамов, некогда изуродовавших моё тело? Наверное, я не была бы первой красавицей. Возможно, не все были бы готовы со мной подружиться. Но у меня был бы шанс почувствовать то, что чувствуют они. Быть просто девушкой готовой вступить в большой мир навстречу первым чувствам, эмоциям, дружбе...

Когда я подумала о том, что мой единственный друг в этом мире Рэби, и как ему сейчас непросто из-за меня, горло невольно сдавил спазм. И я не возьмусь судить, что стало тому причиной? Моя жалость к себе? Жалость, о которой я вдруг вспомнила сейчас! То, чувство, которое все пятнадцать лет было под строжайшим запретом для меня! Или жалость к старому другу, которому тоже нелегко. Ни семьи, ни детей и всё потому, что он принял меня, как ту, о которой должен заботиться после смерти господина.

– Паршивое наследство, – буркнула я себе под нос. Не знаю, что именно я представляла, слыша словосочетание «Храм Двенадцати Парящих Драконов», но стоило мне увидеть его в реальности, как меня буквально пригвоздило к дороге. Я не могла перестать смотреть. Не могла заставить себя двигаться вперёд. Мне в спину тут же кто-то врезался, скупоругнулся, и тут же исчез. Я же продолжала смотреть на место, где каждый эвей рано или поздно обретает свою судьбу

и предназначение, открыв рот.

Огромная площадь, устланная розовым камнем, а посередине то, что, наверное, правильно было бы назвать императорским дворцом, а не храмом. Широкая лестница вела к его входу, на протяжении которой на высоких каменных колоннах сидело ровно двенадцать драконов. Каждый дракон, как отдельный герой истории, имел свою позу и характер. Самый первый вытянув шею злобно скалился, смотря прямо на того, кто отважился бы ступить на лестницу, ведущую к самому сердцу святыни. Второй дракон смотрел так пристально, точно видел тебя насквозь. Его поза была напряжённой, будто бы в любой момент он готов распахнуть свои крылья и спикировать вниз со своего постамента. Третий дракон уже расправил крылья и обратил свой рык к небу. Все они, словно ожившие воплощения ликов эвейев, восхищали, пугали, завораживали. Не хватало лишь тринадцатого дракона про-отца – Акаши, чей лик изображали лишь в самых крайних случаях. Сам храм, казалось, парил в воздухе на никому невидимых опорах. Его изящная изогнутая многоярусная крыша, роспись, которая сочетала в себе цвета и символы двенадцати драконов и стихий, которые они воплощали: всё это было настолько удивительно для кого-то вроде меня. В какой-то момент я почувствовала, что зрение меня предаёт, а картинка, что я видела, расплывается, и далеко не сразу я поняла, что это слёзы застилают мне глаза. Странная смесь из восхищения и обреченности сплелась в моём серд-

це. Я была счастлива, что побывала тут. Счастлива, что мне довелось коснуться, пусть и мимолетно, чего-то настолько прекрасного и удивительного. А, ещё мне было так жаль, что я... не смогу...

– Да, что же это, – пробормотала я, утирая нелепую влагу с глаз.

Низко склонив голову, я поспешила туда, где уже собирались эвейи, распределяясь по спирали вокруг храма. Я не бралась судить, сколько нас здесь. Но, судя по уверенным действиям окружающих, новенькой была только я. Всё же тренировки с Рэби учили приспосабливаться к любой ситуации. Потому, я просто смотрела, что делает большинство и повторяла за ними. Стоило нам всем занять положенные места, как из входа в храм появился первый настоящий эвей в моей жизни! Я смотрела во все глаза, ощущая, как каждая клеточка в моём теле отзывается на ту силу, что бурлила внутри этого мужчины. Он был в простом белом кимоно, с забранными в тугий пучок волосами цвета воронова крыла, и только, когда на них падали солнечные блики, по ним пробегал едва различимый голубоватый отблеск. Он поднял открытую ладонь вверх и бросил всего одну короткую фразу на древнем наречии, которую частенько говорил Рэби, призывая к вниманию и началу занятия.

На самом деле, Рэби всегда следил, чтобы мы с ним посещали семейную часовню и возносили молитву Парящему Радави, дракону, что покровительствовал огненным эвейям.

Даже мои кузены не проводили каждое своё утро так, как это делали мы. Они посещали часовню лишь в определённые дни и праздники. В отношении меня Рэби был непреклонен. Я знала все молитвы и шаги, которые необходимо делать во время их прочтения. Так, что по сути, когда верховный эвей начал монотонно читать молитву, обращаясь к Двенадцати Парящим Драконам, а эвейи вокруг меня пришли в движение, точно медленно вздымающееся море, я точно знала, что мне следует делать.

Медленно руки поднимаются вверх, так зарождается жизнь, руки опускаются вниз, а с ними приходит смерть и покой. Следующее движение, точно дуновение первого ветра, которое откликается с движением первой капли дождя, которая падает на землю. Первый росток и луч солнца, что согревает его в своих объятиях. Песнь жизни, молитва баланса силы и энергии в нём. Мы все связаны, одна нить и одна судьба для мира и всего живого в нём. Дыхание учащается, ускоряются движение, баланс нарушается, и вместе с тем, движения становятся рваными, не законченными и резкими. Хаос обретает верх над гармонией. Но на помощь миру вновь приходит покой и созидание. Каждая молитва эвей – это своеобразная связка из движений, которые сочетают в себе то ли танец, то ли сражение, где выверен баланс дыхания и течение энергии в нас. К каждому покровителю из двенадцати есть своя молитва, свой танец, с которым однажды мы уходим за полотно, а уже позднее прибегаем, чтобы тво-

рить магию и сливаться со своим отражением. Эти молитвы обычно учат с ранних лет, в конечном итоге именно они станут основой для Тай До и нашей магии.

Впервые я делала это вместе с таким количеством посторонних эвейев рядом, но при этом, возможно из-за того, что это происходило в таком месте, я чувствовала, что всё так, как и должно было бы быть. Я была уверена, что моя молитва услышана. Это наполнило сердце радостью.

Когда всё закончилось, были проведены все ритуальные поклоны каждому из драконов, эвейи стали расходиться, каждый согласно своему расписанию на день. Я невольно замешкалась и не сразу обратила внимание на то, как толпа передо мной расступается, а в моём направлении движется тот, кого я надеялась больше никогда не встретить. Тем более, так скоро.

Конечно же, он шел первым, его светлые волосы так контрастно выделялись на фоне остальных темноволосых студентов. И снова это чувство надвигающейся на меня опасности, точно снежная лавина соскальзывает с горы, а я стою совершенно беспомощная и растерянная перед ней. Вот, именно так я чувствовала себя, смотря на то, как ко мне приближается наследник, а позади него ещё одиннадцать эвейев. Я сосчитала их машинально. Так, как учил меня Рэби. Но при этом не запомнила ни одного из них в лицо. Всё, куда я могла сейчас смотреть, это льдисто-голубые глаза, которые точно пригвождали меня к месту. Казалось, с высоты своего ро-

ста и положения, он не замечает, что вокруг него есть и другие эвейи, которые словно руководствуясь своими какими-то внутренними инстинктами, уступают ему путь, стараясь сделать это как можно быстрее.

Стоило наследнику подойти ко мне, как он замедлил шаг всего на миг и скупно бросил:

– За мной.

И тут же прошёл мимо меня, словно одного его слова было достаточно, чтобы я сделала так, как он хочет.

«Боги, он же наследник! Конечно, достаточно!»

Запоздалая мысль пронеслась в моём мозгу, пока я несколько секунд сверлила взглядом его спину и соображала, чего от меня хотят.

Спохватившись, я поспешила нагнать, уже успевшего удалиться от меня на приличное расстояние наследника.

Надо ли говорить, что в этот самый момент мой организм испытал все температурные изменения из возможных. Сердце обдало холодом и мне и в правду показалось, что оно падает куда-то в пятки, потом по телу прошла обжигающая волна, а меня против воли затрясло. Всё это, конечно, я старалась скрыть, но, похоже, моё лицо всё же выдавало меня.

– Не бойся, – сказал парень, который шёл чуть позади наследника и каким-то образом оказался по правую от меня сторону. Чего мне стоило не отпрыгнуть от него, я и сама не знаю, но кое-как сдержавшись, всё же просто посмотрела на него не зная, что должна сказать? Как себя вести? Улыбать-

ся? Кивать? Здраваться?

– Ничего такого, – вместо меня нашелся со словами парень, – так, что не о чем переживать, – и он улыбнулся мне.

Я грубая и неотесанная, непривыкшая к общению девушка, была так ошарашена тем, когда мне просто улыбнулся такой... красивый и молодой мужчина, что лишь одно осознание того, что меня позвал наследник спасло от того, чтобы глупо замереть посреди шага. Голос этого парня оказался мягким и успокаивающим. Вопреки всем доводам разума, увидев его улыбку, мне захотелось стать другом этому мужчине, чтобы я всегда могла попросить его улыбнуться мне.

– Дилай, – тем временем сказал он, продолжая улыбаться.

– Ив, – хрипло отозвалась я, и тут же взяв себя в руки, отвернулась, решив, что не стоит поддаваться порывам в месте, где друзей нет и никогда не будет, просто потому что...

Чего я никак не могла ожидать, так это того, что мы под шокированными взглядами собравшихся, направимся напрямиком в Храм Двенадцати. С одной стороны, я была очень взволнована тем, что совсем скоро смогу увидеть святыню изнутри. Но мне давно не шесть оборотов, чтобы так глупо радоваться вещам, которые просто так не случаются. Это я к тому, что вряд ли наследник с друзьями решил показать мне местные красоты.

Если он что-то делает для кого-то вроде меня, то на это должна быть причина и, если уж дело касается меня, то вряд ли с приятными последствиями. В любом случае, страшно

мне не было. Я привыкла жить, внутренне готовясь к тому, что неприятности происходят и от них никуда не денешься. Будь то унижение, драка, пренебрежение, жалость, презрение, кажется, я была готова к любой ситуации из вышперечисленных. Тут, как говорится, очень важно найти внутри себя точку опоры, а самое главное, правильно понимать и принимать себя. Я знаю и принимаю тот факт, что мой отец предатель, поэтому, когда мне в лицо или за моей спиной говорят нечто в этом роде, я не испытываю ни боли, ни дискомфорта. Это правда и с ней надо уметь жить. Это может казаться несправедливостью; я могу думать, что это слишком жестоко и больно, но если я буду так делать, то я буду уязвима. Этого я не хочу. Тоже касается и моего тела. Да, оно несовершенно и уродливо, но... что я могу с этим поделать? Ничего. У меня нет власти изменить это. Я не могу побороть свой страх, но и мне надо как-то существовать. В детстве, когда я только пришла в себя после пожара и впервые увидела своё отражение в зеркале, я много плакала. Мои раны так сильно пугали меня, а с ними вместе и обрушившиеся на меня кошмары, боли в ноге...

Тогда ко мне пришел Рэби и предложил на выбор две сливы. Одна была неправильной формы, её кожура казалась потрескавшейся. Вторая, напротив, была гладкая, блестящая, красивого янтарного оттенка. Конечно, я выбрала ту, что показалась мне красивее и вкуснее. Тогда он надломил её, и как оказалось, вся мякоть в ней была изъедена огромным белым

червём. В то же самое время, та слива, от которой я отказалась, была на вкус, точно пряный мёд.

«Это мой первый урок тебе», сказал он тогда, *«от того насколько хорошо ты его усвоишь, будет зависеть то, какой «сливой» в итоге ты станешь».*

Конечно, тогда я мало, что поняла, но постепенно пришла к тому, что если не найду внутри себя то, за что смогу зацепиться, то я просто сгнию, как переспелый упавший с дерева плод.

Смириться не значит сдаться. Это значит жить дальше так, как ты можешь не витая в облаках и лживых грёзах.

Тем временем, вся наша процессия споро поднималась по высокой лестнице, ведущей в храм. После сильной нагрузки прошлых дней, моя нога немного подрагивала, и я чувствовала неприятную, тянущую боль. На неё легко было не обращать внимания, особенно, когда взгляды двенадцати каменных драконов, казалось, смотрели прямо на меня. Они были прекрасны. Огромные, хищные, сильные и такие уверенные в собственном бесстрашии и превосходстве. Мне показалось, что моё сердце застучало сильнее, стоило мне столкнуться с рубиновым взглядом Радави. Покровитель огненных эвейев разместился аккуратно посередине лестницы. Рубины, вставленные в его каменные глазницы, блестели в лучах солнца, от чего действительно складывалось такое ощущение, что кто-то древний и могущественный смотрит на те-

бя, проверяя, достоин ли ты войти под крышу его дома? По моей спине пробежался холодок. До такой степени мне показался реалистичным этот взгляд.

«Огонь бывает разным, Ив», вспомнились слова Рэби, которые он сказал мне во время одной из наших тренировок, «ты видишь в нём лишь боль и страх, но это не так. Твоя тётка не показывает тебе другой стороны пламени огненного эвейя. Но кроме боли и ярости пламени, огонь может быть теплым, нежным, осторожным, защищающим. Бесстрашное пламя может уничтожить всё на своём пути, но это же пламя может точно так же бесстрашно любить, согреть, защищать до последней искры в сердце».

На пороге в храм нас уже ждал тот самый эвей, что всего несколько минут назад молился вместе с нами. Это был высокий крепкий мужчина. Телосложение его говорило о том, что ему не претит брать в руки меч и проводить в тренировках любое свободное время. Было в нём нечто хищное и в то же самое время легкое, можно сказать, изящное. Он чем-то походил на Дорэй, возможно, своей царственной осанкой, но будем откровенны, Дорэй рядом с таким мужчиной выглядела бы деревенской простушкой, а не благородной дамой. От этого эвейя, с синими, точно горные фиалки глазами, веяло такой силой, что я невольно подалась вперёд, будто почувствовав её всем своим телом. Как такое вообще возможно? Простое кимоно из белоснежного полотна, такой же ничем не примечательный пояс, убранные в тугой пучок чер-

ные волосы. Он бы мог показаться совершенно обычным, но таковым не был. И я ощущала это!

– Ис Тарон, – тем временем заговорил наследник, пока мужчина, будто не замечая нашего присутствия, смотрел на открывающийся вид с лестницы храма с какой-то отсутствующей полуулыбкой. – Это тот, о ком я говорил, – кивнул в мою сторону наследник, слегка поклонившись, что само по себе выглядело из ряда вон. Остальные одиннадцать друзей наследника тут же повторили за ним, ну, и я заодно, ведь думается мне это всё не просто так.

Мужчина, продолжая улыбаться чему-то известному одному ему, кивнул принцу и тут же обернулся лицом ко мне. Надо сказать, местный народ уже начинал пугать меня своими улыбками. Сначала этот Дилай улыбается так, точно мы с ним вместе на горшок в детстве ходили. Теперь вот этот вот тип подозрительно радостной наружности вдруг улыбается, будто в младенчестве меня потерял, а ноги у него с тех пор не ходят, и найти-то он меня не мог, да, добрые люди принесли. Для меня, как для эвейя совершенно неприспособленного к такому радушию, это было не просто подозрительно. Это одновременно выбивало из колеи и заставляло внутренне ошестиниться в ожидании неприятностей.

Как оказалось не зря.

– Ты хочешь узнать, дополнит ли юный эвей твоё ожерелье силы? – поинтересовался мужчина, явно обращаясь не ко мне.

И, надо сказать, даже если бы он спросил меня, я вряд ли бы нашлась с ответом! Сам смысл его вопроса никак не желал укладываться у меня в голове! Хотелось во всё горло заорать просто и всеобъемлюще: «Чего?!». Но даже на такое не хватило бы дыхания, которое вдруг потерялось где-то в груди.

Я мысленно пыталась себя уговорить, что нет причины для паники! Что всё нормально и, конечно же, кто-то вроде меня не может подойти для подобного. Но, даже само предположение порождало иррациональную панику в душе.

– Что ж, – продолжая улыбаться, этот эвей двинулся в моём направлении, и только Двенадцати Парящим дано знать, чего мне стоило устоять на месте, – это легко будет проверить. Тем более, что юный Игнэ прибыл как раз, когда огненные знаки готовятся ко сну, вобрав в себя всю энергию, что им должно в пик своей активности.

Я не поняла ни слова из того, что сказал этот мужчина. Он, может быть, прорицатель и его стихия это Дух?

Хотя, о чем я говорю, это же стихия императорской династии... Тогда...

– Ошибки не будет, Китарэ, – обратился он к наследнику. – Сегодня ночью будет сильный шторм, – прикрыв глаза, точно прислушиваясь к чему-то, продолжил он, – так что время как нельзя подходящее. В час безмолвия буду ждать вас здесь, – кивнул он мне, но я-то понимала, что всё это время он разговаривал не со мной, а с наследником. – Тогда и

смогу дать ответ на твой вопрос, – и ещё раз осветив каждого из нас своей улыбкой, он не дожидаясь ни от кого конкретно ответа, повернулся к нам спиной и бесшумно двинулся вглубь храма.

– Ты всё понял?

Я всё ещё смотрела в след удалившемуся эвейю, который, как я могла лишь догадываться, был Верховным Настоятелем Храма Двенадцати Парящих Драконов, и не сразу сообщила, что наследник обращается именно ко мне. Особенно учитывая-то, что я в принципе пока не привыкла, когда ко мне обращаются, как к мужчине.

Я могла бы сказать, что ничего не поняла, но я не думаю, что это хоть кому-нибудь было бы интересно и хоть кто-то решился мне объяснить, что именно тут происходит. Потому, я просто сказала:

– Да.

Я знала, что в стенах храма и на его территории, воспрещалось блюсти сословные традиции и ограничения между учениками. Такие формы уважения как поклоны, формальная речь и прочее возбранялись между учениками. Тут это считалось оскорбительным по отношению к духам, что живут за Полотном и к двенадцати богам, чьей святыней был храм. Только Двенадцать Парящих заслуживали почтения здесь, остальные были равны. Это закон.

Потому, я решила, что больше не хочу тут оставаться. Ещё немного, и я могла начать задыхаться прямо на глазах у этих

парней и наследника! Потому, я просто развернулась и отправилась вниз по лестнице. Сказать мне было нечего. Спросить я бы не отважилась. Лучшее, что я могла сделать, это уйти и привести свои чувства в порядок.

Китарэ смотрел вслед удаляющейся фигуре и, говоря откровенно, испытывал то самое чувство, когда от изумления теряют дар речи.

– А он с характером, – усмехнулся Дилай, вставая рядом с ним и провожая взглядом потомка проклятого рода. На губах друга играла привычная полуулыбка, которую как всегда было невозможно классифицировать. То ли он рад чему-то, то ли знает одну ему известную тайну.

– Нет слов, – пробормотал Китарэ.

– Ну, не зря говорят, что кровь не водица, – заметил Рэйвон, вставая по другую сторону от наследника. Ещё одна «жемчужина» в его нити. Высокий и крепкий, точно скала, он казался гораздо старше своих друзей, но по характеру был намного простодушнее каждого из них. Стихией его рода была земля, должно быть, как и в Дилае, в характере Рэйвона проскальзывали общие черты, характерные для эвейев, рождённых под покровительством этой стихии.

Все они уже давно были вместе. Учились, проводили свободное время, соревновались и старались как можно лучше узнать друг друга. Чем ближе они будут друг другу, тем естественнее образуется между ними связь. В каждом из звеньев

своей будущей нити Китарэ в той или иной степени угадывал отражение себя самого. Они должны были быть одновременно и похожи и совершенно отличаться, на этом строился баланс и сила их нити.

– Да, брось, – отмахнулся Дилай, – если он подойдёт, мы должны будем принять его, потому не стоит начинать с вражды.

– Твоя миролюбивость иногда доходит до абсурда, – покачал головой Рэйвон.

– Хм, – усмехнулся Дилай, предпочитая умолчать о том, что это скорее дальновидность.

– Да, этот парень действительно нечто, – всё же не удержался ещё один из друзей Китарэ, Ари. – «Да», – явно передразнивая чужака, холодно бросил он, соорудил пренебрежительную гримасу и демонстративно отвернулся от присутствующих. – Даже, если нам не стоит начинать с вражды, то не от него ли зависит то, с чего мы начнём? Мог хотя бы притвориться, что рад знакомству...

– А я люблю тех, кто не пытается заслужить одобрение окружающих, – пожал плечами Дилай, – честность, в наши дни, всё одно, что слиток золота забытый кем-то посреди дороги – невероятно редкое явление.

– Ты, правда, примешь его, если он пройдет испытание? – поинтересовался Ари, сделав вид, что не заметил замечание Дилая.

Некоторое время Китарэ молчал, провожая задумчивым

взглядом фигуру сына своего врага. Прошлой ночью он много думал над тем, как он должен себя вести, если всё же потомок Игнэ подойдёт ему. Умом он понимал, что тогда ему не останется ничего, кроме как начать выстраивать с ним связь. Но гнев сжимал его сердце в тиски, стоило только представить, что нечто подобное может произойти. И, вновь, лишь усилиями собственной силы воли он старался изо всех сил побороть эмоции и подступающее безумие. Он не даст себе пропасть в этой темноте. Не из-за ничтожного Игнэ!

– Приму, – сквозь сжатые зубы, процедил он. – Нам пора, – бросил он друзьям, направляясь в сторону лестницы.

До часа безмолвия ещё был целый день и вечер, а стало быть, есть занятия, пропускать которые он не собирался.

* * *

Я шла не разбирая пути. Мимо мелькали одинаковые коричневые пятна в виде фигур эвейев, зелёные шапки кустов, и размытые силуэты зданий. Мне казалось, что дорога под моими ногами, точно розовая хищная змея, то набрасывается на меня, то отступает. Голова кружилась, а к горлу подступала желчь.

В такие моменты, я особенно сильно ненавидела себя! К демонам моё уродливое тело, но мои панические атаки делали меня по-настоящему безобразной и трусливой! Невозможность им противостоять и справиться с ними хотя бы сохраняя лицо... Хотя бы не испы-

тывая чувства позора за собственную слабость. Моё сердце продолжало стучать так, что мне казалось, все вокруг могли слышать его нестройный рваный ритм. Дыхание стало хриплым. Ещё немного, и я могла потерять сознание. Я знала, как обычно заканчиваются такие припадки. Я не могла им противостоять! Всё, что мне удавалось это выделить жалкий кусочек пространства для собственного разума, чтобы он был способен увести тело подальше и спрятать, пока оно не будет готово работать вновь.

Резко свернув с дороги за первый более-менее большой куст, я рухнула на колени, зажимая голову руками, и припадая к земле, стараясь дышать маленькими вдохами, чтобы снять спазм с лёгких. Далеко не сразу, но всё же мне это удалось. Опираясь на дрожащие руки, я кое-как перевернулась и села, оперев спину на чахлый ствол одного из молодых деревьев, что росли рядом. Подтянув к животу ноги, обняла их руками. Я понятия не имела, где нахожусь и надо ли мне куда-то идти. Прямо сейчас мне было решительно всё равно, даже если это было и так.

– Во что ты втянула меня, любезная Дорэй? – разумеется, не дожидаясь конкретного ответа, пробормотала я.

Мало того, что меня считают сыном проклятого Игнэ, так теперь ещё планируют испытать, не подойду ли я для нити наследника! Разумеется, нет! И, что тогда? А, если да? Я дважды умолчала о том, что я девушка. Я обманула не только наследника, но теперь и верховного эвейя Храма Двенадцати

ти! Мой отец, хотя бы не утащил нас всех с собой на тот свет...

– Поздравляю, Ив, за два дня ты отлично справилась! Осталось поставить финальную подпись на смертном приговоре и род Игнэ исчезнет, как ему и полагалось пятнадцать лет тому назад. Отличная работа. Молодец, – прошептала я, боясь даже представить, к чему может привести моё появление в Храме и молчание...

– Дорэй, тварь, – с силой ударив ладонью о землю, в бессильной ярости прикрыла глаза, не представляя, что мне делать дальше.

Кое-как встав с земли, я только начала поправлять своё кимоно, чтобы иметь возможность выйти из кустов не привлекая к себе лишнего внимания, как жесткая хватка сомкнулась на моём предплечье. Меня с силой дернули и заставили обернуться. Прямо надо мной нависал тот, кого я никак не ожидала увидеть так скоро и тем более тут. Эдор. Мой двоюродный брат прямо-таки излучал ярость и гнев. Его черные глаза с ненавистью смотрели на меня. Губы сжались в тонкую линию. Каждая мышца в его теле напряжена. Мужчины нашего рода всегда отличались высоким ростом и крепким телосложением, вот и Эдор не был исключением.

– Всё-таки явилась, – сквозь зубы процедил он, – и уже поняла? – выразительно смотря на моё кимоно, сказал он. – Мать написала мне, чтобы я всё объяснил тебе и сделал так, чтобы ты осознала, где твоё место! – прошипел он. – Толь-

ко попробуй, что-нибудь выкинуть! Если по твоей милости, мы потеряем возможность вернуть наш род на положенное ему место, ты даже представить не можешь, что я с тобой сделаю...

Представляю, как могла бы испугаться любая нормальная девушка, встретить она в кустах агрессивно настроенного мужчину таких размеров, как мой брат. Вот, только... нормальной я не была никогда.

– Наконец-то, – прошептала я, позволив себе улыбнуться в предвкушении, тут же резко уходя из его захвата и до хруста выворачивая его запястье. Удушливая волна живительного гнева, растекалась внутри меня, заставляя сердце приятно стучать в груди. Эдор со стоном упал на колени, и теперь уже я была той, кто нависал над ним, а не наоборот. – Ну, здравствуй, братик. Вы с вашей мамашкой кое-чего так и не поняли, да? Я не трогаю только её. Ты же, моя маленькая надежда, был в такой чарующей безопасности, пока она была рядом, и тебе хватало ума не лезть ко мне, – почти ему в губы прошептала я, с силой сжала кулак и впечатала его в полуоткрытый рот Эдора. Из рассеченной губы тут же потекла кровь, а мой брат протяжно застонал. Кажется, он до сих пор не мог осознать, что я ломаю ему запястье.

– Что? Больно? – почти ласково поинтересовалась я, ещё сильнее выкручивая его руку и слыша характерный хруст. – Это же хорошо, Эдор, это же демоны тебя разорви, так хорошо! – беззвучно засмеялась я, отпуская его руку. Когда

он повалился на землю, я не смогла отказать себе в удовольствии ударить его ногой по лицу. Теперь кровь хлынула из разбитого носа. – Не смей угрожать мне, маленький ублюдок, иначе у меня хватит ума отправить нас всех на плаху, понял? Подумай о жизни, дорогой брат, и запомни, если мне нужна будет помощь, чтобы выжить в той лжи, что вы с твоей ненормальной матерью наворотили, будь готов помогать! – схватив его за волосы, я оторвала его голову от земли и заглянула в глаза. – Понял? – с нажимом, спросила я.

И лишь увидев согласный кивок, отпустила, позволив своему драгоценному брату наслаждаться спокойствием в зарослях кустов. Оправив кимоно и отерев руки от крови о траву, я почувствовала, как ко мне вновь возвращается душевное спокойствие и уверенность в собственных силах. Хорошо, что кузен так удачно подвернулся, хоть в себя пришла немножко.

Уж не знаю у кого как, но для меня гнев всегда был верным товарищем, который помогал собраться и поверить в себя. Да, моё будущее до сих пор является чем-то абстрактным, напоминающим невнятные мазки серой краски на холсте, но так или иначе, таковым оно является у большинства. Нам не дано знать, что будет завтра. Чего уж говорить о том, чтобы угадать, где ты будешь через полоборота. Я не буду сдаваться, а просто попробую выжить с наименьшими потерями. Чтобы кто ни говорил, а шанс есть всегда. В конце концов, не стоит спешить, а лучше подумать, как всё правильно

обыграть. Думается мне, если сегодня во мне закономерно не обнаружат ничего полезного для наследника, то я уже не буду особенно интересна для местной публики. А это шанс просуществовать здесь ближайшие поборота без лишнего внимания. Надо просто приспособиться.

Засунув руку в один из рукавов халата, я выудила небольшой свиток с надписью «Расписание до распределения» и решила ознакомиться со своим распорядком дня более детально. Рэби всегда говорил, если хочешь оставаться незаметной, то делай как все и не пытайся быть лучше или хуже других. Именно так я планировала жить в стенах Храма. А стало быть, следовало вливаться в общий поток. Как оказалось «Расписание до распределения» было замечательнейшей вещью и если бы оно не менялось, я бы осталась в стенах Храма с превеликим удовольствием. Всё, что от меня требовалось это посещать общую молитву с утра и есть три раза в день в общей столовой. Ах, да, после часа безмолвия и до часа красного петуха запрещалось покидать стены общежития.

– Замечательно, – пробормотала я себе под нос, сверяясь с картой и пытаясь понять, где сейчас нахожусь я, и куда мне следует отправиться, чтобы не опоздать на завтрак.

Ожидаемо я заблудилась. Нужное здание нашлось, когда трапеза была уже в самом разгаре. Немного огорчало, что столовая стояла особняком от жилых и учебных корпусов, и чтобы сюда добраться пришлось изрядно поплутать по местным тропам. Но судя по доносившимся изнутри здания за-

пахам, оно того стоило. Это было одноэтажное строение из темного дерева, с широкими окнами и многоярусной изогнутой крышей. Казалось, оно утопало в зелени и заботливо высаженных вокруг цветах. Обеденные зоны были, как внутри, так и снаружи на своеобразной веранде, которая опоясывала здание. Стояли столы где-то на шесть человек, которые с удовольствием занимали те, кто не хотел есть в духоте обеденного зала. Я бы тоже с радостью обедала тут. Жалко нет столиков для одного...

Я поднималась по лестнице в зал, когда до моего слуха долетела фраза, брошенная одной из девушек, что обедала вместе со своими подругами на улице. И я бы не обратила на их взволнованный щебет ни малейшего внимания, если бы не услышала собственное имя.

– Смотри, смотри, по-моему, это он, бешеный Игнэ, тот, кто сегодня может дополнить Нить Императора, – достаточно громко, чтобы я могла услышать, прошептала она, заставляя меня сосредоточенно ловить каждое её слово, нарочито медленно поднимаясь по лестнице.

– Не может этого быть, – взволнованно отозвалась её подруга, – посмотри только, какой надменный у него вид. Неужели, это и, правда, он?

– Я сама видела! Ты не представляешь, что он сделал с Эдором! На нём живого места нет! Столько крови... он почти убил его!

– О, нет! Но, как же так?! Ты уверена?

– Спроси у Эль, если мне не веришь, она тоже видела.

– Но, за что?!

– Говорят...

Что там говорят, дослушать я так и не смогла, поскольку была уже у дверей ведущих в столовую. Надо сказать, не встретить я Эдора совсем недавно, я бы наверное запаниковала из-за того обилия домыслов и вранья, которые буквально облепили меня за последние дни. Я, Ивлин Игнэ, девушка, привыкшая к мысли, что ей никогда не ощутить себя полноценной частью этого общества; не стать эвейем заслуживающим уважения; не смыть клеймо позора с рода даже ценой собственной жизни, за каких-то неполных двое суток превратилась в бешеного и заносчивого наследника рода, который вот-вот войдёт в Нить жемчуга Императора и которого уже боятся упоминать вслух, боязливо перемывая кости за спиной.

Что ж, стоит меня поздравить, теперь к моим регалиям добавится почетное звание «сумасшедший», поскольку не думаю, что кто-либо ещё позволил бы себе так зловеще хохотать в полный голос, стоя у входа в заведение общественного питания.

Глава 5

Первые сумерки я встретила в стенах собственной комнаты. Думать над ситуацией, в которой я оказалась, не было ни сил, ни особого желания. Единственное, чему я не уставала поражаться, так это тому, насколько потрясающим манипулятором была моя тётка. Моя паранойя разыгралась до такой степени, что мне стало казаться, что каждый её самый незначительный поступок имел под собой второе дно. Чего стоят собранные со мной в дорогу кимоно?! Мне казалось, что она сделала это из жадности и вредности, а что же по факту? Она просто знала, что я не смогу их носить, а стало быть, прибуду в Храм в том, что было – в потасканных вещах Эдора! А, стало быть, её ложь так и останется неприкосновенной истинной, за которую теперь уже я буду нести ответственность. Да, вот случилась ошибка, меня неправильно записали в реестре, но почему же я с порога не рассказала о возникшем недоумении? Хорошо, почему не сделала этого на следующий день? Потому, что дочь Игнэ такая же гнилая, как и отец.

Я сидела на полу, поджав ноги и наслаждаясь стрекотом цикад за окном, позволяя легкому южному ветерку гладить мои волосы, сквозь распахнутое окно, где на подоконнике сохли мои вещи, и думала о том, сколько ещё я не знаю? Мне казалось, что меня стремительно затягивает какой-то причудливый водоворот, и только от меня зависит, утащит

ли он меня на самое дно или выкинет в огромный океан, где я наконец-то смогу понять этот мир без лжи и тайн. Должна ли я пустить всё на самотёк и посмотреть, куда меня в итоге это всё приведёт? Впервые за всю свою жизнь, я стала задумываться над тем, сколько на самом деле знаю о том, какая истина сокрыта от меня? Сколько из того, что я знаю и во что привыкла верить, правда? Я чувствовала, своим звериным чутьём, что это далеко не первое моё открытие о собственной семье...

Я привыкла быть эвейем, от которого особо ничего не зависело, но который привык плыть дальше, как бы тяжело не было. Впредь, я не собиралась изменять себе. Наша судьба найдёт нас, как бы сильно мы не пытались этого избежать. Всё, что оставалось кому-то вроде меня, так это до последнего держаться на плаву.

– Да, – тяжело выдохнула я, поднимаясь с пола, – просто плыви, Ив. В первую очередь надо решить все вопросы с наследником, остальное отпадет после само собой. Никому не интересны бесперспективные наследники проклятых родов без гроша в кармане.

Я пришла к стенам Храма за час до назначенного времени. Остаться в четырёх стенах дольше и изводить себя мыслями и задачами, на которые у меня не было решения, я больше не желала. Стоя у самого подножия лестницы, я, подняв голову вверх, рассматривала морды огромных драконов. Было такое ощущение, что и они смотрят в ответ, точно знают ме-

ня так, как мне самой не дано себя понять. Казалось, я могу простоять так всю ночь, просто чтобы побыть рядом с этими величественными созданиями и почувствовать, что они так же заметили моё существование. Интересно, кто их создал? Должно быть, это был великий скульптор.

– Ты рано, юный Игнэ, – голос, раздавшийся рядом со мной, был столь неожиданным в тишине ночи, что я едва удержалась, чтобы позорно не вскрикнуть, и лишь ошарашенно обернулась.

Позади меня, как ни в чем ни бывало, стоял Верховный эвей Храма Двенадцати Парящих Драконов. Мужчина был всё в том же простом белоснежном кимоно, к которому теперь добавился такого же цвета халат, и лишь его широкий белый пояс был расшит перламутровыми узорами, в которых отчетливо виднелись очертания парящих в замкнутом круге драконов. Как он так бесшумно подкрался, я не бралась гадать, всё же он был настоящим эвейем обрётшим своё отражение.

– Да, – выдохнула я, понятия не имея, как стоит себя вести наедине с этим мужчиной.

Ис Тарон тем временем легко улыбнулся и уверенно обошел меня, подходя к началу лестницы.

– Что ж, раз ты уже здесь, то нам стоит подняться вместе, – сказал он, ступая вверх по лестнице.

Вовремя спохватившись, я тут же догнала его.

Он шел не спеша, сведя руки за спиной, точно был на

необременительной прогулке с другом, а не рядом с кем-то вроде меня.

– Я рад, – улыбнулся он, посмотрев куда-то наверх, – что ты всё же пришёл туда, где должен будешь родиться вновь, – вдруг сказал он.

Ну, что я должна была сказать ему в ответ? Что и я рада? Вот, уж вряд ли. Сама не знаю почему, но я не могла заставить свой язык солгать этому мужчине. Вопреки всему, он казался мне каким-то невероятно добрым и искренним эвейем...и, как бы глупо это не прозвучало, но мне было стыдно обманывать его.

– Не могу сказать того же, – тихо ответила я.

Уж, не знаю, что в этом было забавного, но улыбка на его губах стала лишь шире.

– Конечно, – согласно кивнул он. – Ты знал, что наша стихия определяет наш характер? – вдруг поинтересовался он.

Отрицательно покачав головой, я решила не перебивать его и просто выслушать то, что он хочет сказать.

– Стихия изменчива, проявления её отличны в тот или иной момент. Вот, например, стихией моего рода является вода, а покровителем Тузем, – с нескрываемым почтением, склонил он голову перед каменным изваянием, олицетворяющим покровителя его стихии. – Какой тебе кажется вода?

– Непостоянной, – брякнула я, вовремя не успев прикусить свой не в меру длинный язык, в то время как Верховный и вовсе развеселился, захохотав в голос.

– Ну, да, – отсмеявшись, согласился он. – Не могу не признать твоей правоты, – сказал он, продолжая рассматривать своего покровителя.

Было такое ощущение, словно скульптор всей своей сутью прочувствовал характер того существа, что попытался изобразить. Казалось, дракон застыл в яростном рыке, изогнув шею и сложив крылья за спиной. Но стоило посмотреть на него под другим углом, как начинало казаться, что он всего лишь довольно щурится. С одной стороны, он готовился к атаке, а с другой, напротив, желал увернуться от неё.

– Посмотри на Радави, как думаешь, почему они замерли друг напротив друга? – спросил Ис Тарон.

Если Тузем казался неуловимым, то дракон-покровитель моего рода, напротив, выглядел неустрашимым и мощным. Радави широко расправил крылья, словно вот-вот готовясь оторваться от земли и ринуться в бой.

– Они противостоят друг другу, как мне кажется, это вполне логично, что огонь и вода...

– Они уравнивают друг друга, – поправил меня Верховный эвей. – В противостоянии кроется баланс. Видишь, рядом с Радави всегда Пхутху, – указал он на дракона, повелителя ветров, – он его поддержка. Каждый из них, – обвел он рукой статуи, – не враги друг другу, а противовес и поддержка, вместе рождающие баланс и гармонию. Стоит убрать одного и всё рухнет, – тяжело вздохнул мужчина. – Огонь может быть слабым и едва различимым; он может быть чуть

теплым, скрывающимся и задыхающимся без воздуха или едва тлеющим из-за нехватки дерева, но такой огонь никогда не сможет встать в противовес остальным. Он просто не подойдёт и угаснет окончательно.

Мужчина вновь продолжил подниматься по лестнице, а следом и я.

– Что вы хотите этим сказать?

– Всего лишь то, что говорю, – пожал он плечами. – После смерти Нирома, я не могу найти противовес остальным. Китарэ сильный, очень сильный, настолько, что самому ему не совладать с тем, что придёт к нему за Полотном, а для того, чтобы он справился, нужна нить, которая уравновесит его и распределит силу так, что она покорится Двенадцати. Со смерти Нирома Игнэ я ещё не видел ни одного огненного эвейя способного совладать с этим, потому я не стану скрывать от тебя, что надеюсь, что сегодня мои поиски завершатся. Времени почти не осталось.

– А, что если не подойду и я? – поинтересовалась я, остановившись позади него. – Что, если нет?

Несколько секунд мужчина молчал, а потом лишь слегка обернулся ко мне, так, что я могла видеть лишь его профиль, и скупо бросил:

– Лучше бы тебе подойти, – и вновь стал неспешно подниматься вверх.

Не было в этой фразе ни агрессии, ни вызова, он просто сказал это. Но, на краткий миг, с него словно слетела вся

эта показательно-добродетельная шелуха. Всего лишь секунда, его взгляд, какая-то едва ощутимая интонация в голосе, вернули меня с небес на землю и дали осознать, что не стоит так глупо и безотчетно заблуждаться. Иногда, улыбка, мнимая миролюбивость, спокойная интонация в голосе, это всего лишь физиологические жесты, которые предназначены лишь для того, чтобы усыпить нашу бдительность. Теперь я смотрела на Иса Тарона так, словно передо мной был могучий океан, который лишь кажется миролюбивым и спокойным до первого ветра; до первого разряда молнии он всего лишь дремлет.

Словно вторя ходу моих мыслей, стоило нам ступить на последнюю ступеньку лестницы, как небо над головой разрежала яркая вспышка начинающейся грозы. Ис Тарон с удовольствием потянул носом воздух, чуть прикрыв глаза, которые на миг преобразились. Такого я не видела никогда прежде! Тёмные точки зрачков вдруг вытянулись в продольную ниточку, словно напоминание, кто живет за телесной оболочкой, и вновь вернулись в прежнее состояние.

– Жаль, – выдохнул он, – такой шторм придется пропустить, – предвкушающе улыбнулся он. – Когда ты впервые встанешь на крыло, ты поймёшь, о чем я. Рассказы ничто! Такое надо пережить. Что ж, мы как раз вовремя оказались под крышей, надеюсь, остальные не заставят себя ждать.

Всё это время Верховный эвей продолжал всматриваться в ночное небо, с которого уже начали падать первые капли

дождя, предвещая беспокойную ночь. И, каждый раз, стоило молнии окрасить небосвод, я отчетливо видела его лицо, которое преобразалось, и всё больше прослеживались звериные черты. Станным образом, это не пугало меня. Напротив, это будило внутри меня что-то древнее, давно забытое и сдерживаемое. Эти инстинкты откликались на зов истинного эвейя, точно чувствуя и слыша родственную душу, сокрытую в нем под налётом человеческой оболочки.

– Чувствуешь, да? – немного безумно, посмотрел он на меня. – И, я слышу тебя, девочка, – почти прошептал он, от чего моё сердце ухнуло куда-то вниз живота.

Некоторое время мы продолжали просто смотреть друг на друга. Моё сердце билось так мощно, гулко, точно заполнив своим ритмом каждую клеточку тела. Я боялась и в то же самое время испытывала необыкновенное облегчение от того, что не должна больше лгать! Но, я не знала, почему этот эвей выглядит таким спокойным и даже довольным.

– К сожалению, твои мысли мне всё же недоступны, – продолжая удерживать мой взгляд, тихо сказал он.

– Я не знаю, что должна сказать, – ответила я.

Я не хотела ему лгать и предельно ясно понимала, что не должна этого делать теперь. Но и оправдываться я не желала. Что бы я ни сказала, это выглядело бы лишь как жалкое оправдание лжи.

– Ты очень похожа на своего отца, – немного грустно, произнёс он. – Истинно огненный эвей. Мне не нужны оправда-

ния, я слишком долго живу, чтобы понимать, как стоит поступить, чтобы обезопасить свою семью. Дорэй всегда была ползущим по земле огнём, который найдёт, как утолить свой голод, чтобы выжить. Но, она никогда бы не смогла стать стеной, которая своей мощью и силой смогла бы защитить, кого-то не таясь и не боясь, потому она не смогла найти отражение за полотном, потому же, я верю, чувствую, что это сможешь сделать ты.

– Я...

– Не стоит сотрясать воздух, – покачал он головой, – разрывая наш зрительный контакт, – я даю своё разрешение.

– Разрешение? – нахмурилась я, окончательно теряя нить смысла в нашем разговоре.

– Если ты подойдёшь Китарэ, то, какого ты пола не будет иметь ни малейшего значения. Я улажу это. Ты сможешь пробыть здесь положенные полоборота, после того, как вернёшься с той стороны...

– Вы так говорите, словно точно знаете, что это произойдёт! Рисуете мою жизнь с такой уверенностью, и, должно быть, ожидаете благодарности? Думаете, я боюсь того, что со мной могут сделать без вашего покровительства? Думаете, меня волнует, что будет с Дорэй или с её детьми? Если вы рассчитываете на мою благодарность или хотя бы толику признательности, чтобы манипулировать мной, то я не та игрушка, которая вам нужна. Мне плевать, что все, кто мне до сих пор встретился в Храме столь слепы, что не могут

рассмотреть то, что у них под носом. Я такая, какая есть и неважно девочка я при этом или мальчик. Нарядные платья не изменят сути, не сделают меня кроткой и послушной.

– Я же говорю, – вновь развеселился этот уже, без всякого сомнения, древний эвей, – истинно огненный эвей. Слепой и жадный в своей ярости, беспощадный и жестокий под принуждением чужой руки, непреклонный в своей решимости и... такой настоящий и преданный в своей любви к тем, кто ему небезразличен. Не злись, наследник дома Игнэ, ты нужен мне и нужен Китарэ, не ищи второго дна, однажды ты поймёшь, что даже, когда оно есть – это вовсе не означает что-то плохое. Не старайся искать врагов там, где их нет. Если ты примешь эту ситуацию такой, как она есть, то возможно, всё будет для тебя гораздо легче и проще. Что ж, в любом случае, у нас ещё будет возможность поговорить об этом, – он негромко хлопнул в ладоши, и прошел мимо меня, направляясь внутрь здания.

И, только сейчас я поняла почему: по лестнице поднимались наследник и его друзья. Отрадно было видеть, что сегодня промок он, а не я. Наши взгляды на мгновение встретились, и уже ставшая закономерностью, оторопь вновь сковала меня. Сама не знаю почему, но я забывала дышать всякий раз, когда встречалась взглядом с ним. Наверное, было бы правильно поприветствовать их, но мне это показалось не самой лучшей идеей: махать рукой или кричать «привет» стоя наверху лестницы, смотря на тех, кто поднимается свер-

ху вниз, больше напоминало издевательство в моём понимании.

* * *

Как и в любом месте, в той или иной степени изолированном от внешнего мира, а, стало быть, превратившемся в замкнутую общину, все эвейи оказавшиеся вдали от дома на время своего обучения и подготовки, становились необыкновенно восприимчивы к любым изменениям в их крошечном мирке. С появления наследника рода Игнэ, окутанного множеством тайн и недомолвок для большинства эвейев их мира, прошло без малого полтора дня, а Китарэ уже с лёгкостью мог написать книгу, которая могла бы называться: «Легенды о проклятом наследнике» или как-то так. Чего он уже не наслушался за время того же обеда?! И, что юный Игнэ необыкновенно дерзкий и надменный. И не успел явиться в Храм, как снискал себе покровителя в лице наследника! И якобы появление под стенами храма, обусловлено лишь желанием отомстить собственному кузену, едва не убив его в первый же день! Были в тех рассказах и несчастный Игнэ, у которого родной кузен увел любимую женщину. И злобный огненный эвей, который всегда и во всем завидовал родному брату. А ещё наглый, дерзкий, заносчивый и даже «обалдеть какой крутой» Игнэ фигурировал в тех или иных вариациях на тему. К концу трапезы Китарэ уже ненавидел свой слух и готов был отрезать собственные уши, чтобы перестать слышать ненавистное имя со всех сторон. По-

жалуй, страдал от этого в основном он, потому как уже ступал за полотно и отчасти претерпел изменения, а также, полноценные эвейи. Большинству же послушников было только в радость обсудить новенького и наградить его тем или иным «званием». Всё было почти как всегда. Девочки получили нового несчастного, всеми гонимого и порицаемого, героя и борца за собственную любовь. Мальчики нашли новый предмет, который срочно необходимо проверить на прочность. Китарэ заработал мигрень. Скорее бы уже проверить мерзавца и забыть о нем, как о страшном сне. Пожалуй, это всё, о чем он хотел и мог думать ближе к вечеру.

Их взгляды вновь встретились в тот самый момент, когда небо окрасилось неровным росчерком молнии. Он смотрел прямо на него. Глаза в глаза и ни тени страха. Обычно, даже, несмотря на условия равенства для всех, кто переступил порог Храма, на него никто не отваживался смотреть так. Казалось, этому эвейю абсолютно безразлично, кто он. Даже его друзья, те, кто вошел в его будущую Нить, при первом с ним знакомстве робели, отводили взгляды, не знали, как им начать выстраивать связь и общение. Этот Игнэ был не из таких.

Он просто смотрел на него так, словно считал себя равным. Взгляд его черных, бездонных глаз, был пугающим. Иллюзия или наваждение, но ему казалось, что начни он всматриваться в них и провалится туда, где не готов оказаться. Пугающее чувство. Станный эвей.

Стоило им подняться на последнюю ступень, как Игнэ нелепо махнул рукой вперёд и буркнул, что-то типа:

– Туда.

Отвел взгляд с таким видом, словно показывая, как они все его достали.

Китарэ мудро сдержался, и лишь слегка качнув головой, направился внутрь храма.

Пора было с этим заканчивать.

Сколько раз за последние несколько лет он был в главном зале Храма в сопровождении своих уже почти братьев в надежде закончить нить и хотя бы отчасти уравновесить собственное положение и определить будущее? Сложно сосчитать. Был тут и кузен Игнэ. В день того испытания, Китарэ впервые почувствовал на себе отдачу лопнувшей нити. Связь едва зацепилась на кузене Ив, но не выдержала и первого потока, хлынувшей по ней общей энергии. Первая радость, что удалось зацепиться, сменилась почти физической болью и жесточайшей отдачей, которая едва не свалила его с ног на несколько дней. Никто кроме него не ощущал последствий провала. Он был тем связующим звеном, сквозь которое проходили все нити. Кажется, что сейчас, вставая в центре огромного зала святилища, и поднимая взгляд к потолку, где над ним точно парили в идеальном круге двенадцать высеченных из мрамора крылатых чудовищ, он был готов ко всему. Очередной провал? Ерунда. Он привык. Почти привык и почти смирился. Всяко лучше, чем принять

тот факт, что ему придётся назвать сына убийцы собственного отца братом. Как принять подобное он не знал.

Тем временем, каждый из его друзей занимал положенное ему в круге место. Рэйвон, крепкий и упрямый, так похожий на Притви, покровителя тверди; Гидео и прародитель его рода Ладору, всего, что произрастает из земли, его место по праву рядом с Рэйвоном; рядом Широн и его праотец Аттави, металл, что покоится в недрах земли. Ари, встал на место, предназначенное для Тувема, повелителя воды; следом Тео и его покровитель Исури, повелитель молний и штормов; Раиль вставший под крылом Ови, дракона, которого не существует, ведь он это время, которого нет; следом близнецы Эрон и Норэ, просто потому, что их драконы это Жизнь и Смерть, которые всегда приходят рука об руку, и есть ничто иное как отражение друг друга. Их имена одни из древнейших в их мире. С тех самых времён, как существуют Яла и Ила, существуют они все. Виар под знаком Риво – первобытного хаоса, откуда все они пришли. Иман, как связующая оба мира тень встает под крылом Саро. Последним был Дилай. Он занял место, которое в круге занимал Пхутху, повелитель ветров, рядом с ним должен был встать в круг Радави... сегодня им был Игнэ. А в центре, уже привычно стоял Китарэ, под знаком первого из драконов. Его имя не принято называть, просто потому, что он был рожден раньше всех и пришел в этот мир, создавая всё вокруг. В древних манускриптах его зовут Акаши, Дух, Эфир, материя, которой не суще-

ствуует и которая способна принимать любую форму. Вместе им предназначено стать единым целым, тем самым балансом стихий, который способен обеспечить процветание их миру.

Стоило Ив Игнэ встать лицом к лицу с Китарэ, замкнув тем самым круг вокруг него, как их взгляды вновь встретились. В полумраке церемониально зала, лицо его врага выглядело странно знакомым. Должно быть, из-за игры света, ему вдруг показалось, что когда-то очень и очень давно, он видел эти необыкновенно черные глаза, на самом дне которых вдруг показалась затаенная тоска, боль, страх... Словно наваждение! Эмоции, странные обрывки каких-то непонятных воспоминаний и ощущений, вдруг нахлынули на него. Сквозь неяркие блики зажженных ламп, он смотрел на сына своего врага, а ощущение было таким, словно он смотрит на кого-то давно потерянного, по кому так долго скучал и только сейчас узнал. В груди странно защемило и вдруг стало больно дышать...

Тем временем Ис Тарон уже начал читать молитву призванную пробудить в каждом из них ту энергию, что однажды проведёт их за полотно и обратно. Его монотонный голос, точно проникал под кожу, заставляя всё внутри вибрировать и откликаться на этот зов.

«Не забывай»

Едва слышный шепот, точно ужалил его слух и Китарэ едва смог устоять спокойно. Только галлюцинаций ему не хватало!

«Пожалуйста, только не сейчас!»

Взмолился он, надеясь, что сегодня обойдётся без приступов. Только не здесь и не при том, перед кем он никогда и ни при каких обстоятельствах не должен показывать своих слабостей.

Голос Иса Тарона постепенно становился всё более низким, словно слова его молитвы, наполнялись особой вибрацией и силой. Каждый эвей в круге чувствовал, как эти древние слова касаются их пока неразбуженной крови, обволакивают тело и сознание, пробуждая дремлющую силу, и вытягивая её так, чтобы тончайшие нити устремлялись к Китарэ, проходя сквозь него. Наследник Игнэ, казалось, и вовсе окаменел от происходящего. Его взгляд стал каким-то пустым. Лицо белым точно мел. Кулаки с силой сжались и Китарэ впервые видел, насколько страшно сейчас этому пацану. На самом деле, первое прикосновение к силе, её пробуждение, было похоже на то, как если бы ты впервые смог сделать вдох полной грудью. Краткое знакомство с твоей истинной сущностью будоражило кровь, заставляло терять голову от ощущения собственного превосходства. Ты, словно, заново рождался, но уже тем, кем и должен был быть изначально. Точно гусеница, что столь долго ждала своего перевоплощения в бабочку, чтобы стать кем-то прекрасным, новым, сильным, интересным и особенным. После первого пробуждения силы, именно так чувствовал себя каждый из них, в предвкушении ожидая того момента, когда они сами смогут призвать

свою силу и вылупиться из серой скорлупы прежнего тела. Краткий миг знакомства с собой истинным не мог пугать! Он заставлял ещё больше ждать того дня, когда закончатся эти серые будни ученичества и подготовки. Всякий раз, проводя испытания на совместимость с тем или иным эвейем, что- бы создать «ожерелье», уже после церемонии каждый из них испытывал что-то сродни дичайшему похмелью, после невероятной ночи полной пьянящего куража и веселья.

Пока только Ису Тарону было по силам вытащить их нити силы в этот мир. Но даже такие крохи заставляли желать большего. Почему же Игнэ выглядел таким испуганным, точно вот-вот потеряет сознание или сбежит?

Так или иначе, но теперь настала пора и для Игнэ замкнуть круг Китарэ. Верховный эвей встал за его спиной и Ив показался особенно маленьким и хрупким рядом с этим мужчиной. Тем временем, Ис Тарон, так и не позволив себе хотя бы на секунду оборвать нить призывающей молитвы, поднял руку и в его ладони мелькнул уже хорошо знакомый Китарэ серебристый кинжал. Его голосовые вибрации становились всё глубже, ритм молитвы вновь изменился, ускорился, призывая огонь в этот мир, пробуждая его. Краткий вздох Ив и распахнутые, полные ужаса глаза, когда мимолетное движение руки Иса Тарона рассекло запястье молодого эвейя, а на пол быстро закапала алая кровь. Первая жертва Радави принесена. И великий дракон позволит на краткий миг пробудить свою кровь раньше, чем это станет возмож-

НЫМ.

Тончайшая нить силы, устремилась к Китарэ от Ив и, как только она соприкоснулась с ним, его мир перевернулся. Никогда прежде, сколько бы раз перед ним не стоял один из возможных кандидатов, он не переживал ничего подобного. Его расколота на части душа; измученный постоянным контролем, приступами гнева и бесконтрольной яростью разум, вдруг обрели свою целостность и ясность. Ему стало легко и хорошо. Сила двенадцати эвей, его «ожерелье Императора» впервые ощущалось им, как нечто цельное и гармоничное. В сердце больше не было потаённых страхов, ненависти, гнева. Всё встало на свои места. Этот краткий миг, который длился не дольше одного крошечного вдоха, казалось, он запомнит его навсегда! Ощущения были такими умиротворяющими, словно он стоял на залитом солнцем летнем лугу, у берега лесного озера, ощущал на себе дуновение ветра, мир и покой, сплелись вокруг него и потерялись в безвременье. Он не знал с чем ещё мог бы сравнить обрушившиеся на него ощущения. Такого он не испытывал ровно с тех самых пор, как умер его отец и он впервые открыл глаза. Всё стало правильно. Теперь и сейчас он знал это. Он смотрел в черные глаза Ив, наследника проклятого рода, и не испытывал ни малейшей толики того гнева, что совсем ещё недавно буквально разрывал его на части. Он видел перед собой того, кого так долго искал...

Всё закончилось так стремительно, оборвавшись вместе

с хриплым, полным надрыва выдохом огненного эвейя. Ив вдруг надсадно захрипел, закинул голову назад, его тело бил мелкая дрожь, и он начал как-то медленно оседать. Сам толком не осознавая, что делает и что происходит, Китарэ бросился к нему, в последний миг, ловя его у самого пола и не давая разбить голову о каменный пол. Связь разорвалась, а вместе с ней пришла и пустота, одиночество, боль и холод, и вечный гнев, что не отступал ни на минуту его жизни. Он всё ещё ненавидел эвейя, что сейчас лежал у него на руках, но теперь он знал самое главное, с чем ему придётся смириться... Тот, один вид которого распяляет в нем настоящий пожар, сотканный из ненависти и презрения, кто будит в нем всё то, с чем он борется всю свою сознательную жизнь, теперь часть его будущего и настоящего.

Китарэ быстро поднялся, продолжая удерживать на руках чересчур лёгкое тело Ив, и направился прочь из Храма, не дожидаясь ни друзей, ни комментариев Верховного.

– Китарэ, – дёрнулся было следом Дилай, но был тут же остановлен властным взмахом руки Иса Тарона.

– Надо бы убраться, – бросил мужчина, как всегда с полуулыбкой смотря на своих воспитанников. – Накровили, на-топтали, протереть бы...

– Но Китарэ, – попытался было сорваться с места Ари, но тут же умолк под взглядом Иса Тарона.

Все они были взволнованы тем, что теперь их круг замкнут, но радость сменялась тревогой. Никто не знал, как

поведёт себя наследник, оставшись наедине с Игнэ.

– Швабры там же, – нисколько не тревожась, сведя руки за спиной, верховный эвей медленным шагом направился к выходу из Храма. – Долго не возитесь! Утренние молитвы никто не отменял, – бросил он, исчезая во мраке ночи.

– Может, всё же догнать их? – встревоженно поинтересовался Норэ.

Никто из молодых эвейев не спешил выполнять поручение верховного. Их куда больше заботило то, чем может закончиться эта ночь.

– Забыл? Пока не сделаем то, что велел верховный, храм покинуть не сможем, – пробурчал Рэйвон, отправляясь в сторону кладовой за инвентарём для уборки.

* * *

Я стояла в центре зала, где однажды стоял мой отец. На этом самом месте, он стал частью «ожерелья» Императора, поклялся быть его другом, братом и опорой, а в итоге предал его. Я стояла на том самом месте, где сотни эвейев до меня с честью и радостью принимали на себя обязательства перед миром, страной и тем, кто с этих самых пор, становился для них намного больше, чем просто правитель страны. Сегодня здесь была я, Ивлин Игнэ, дочь предателя и братоубийцы, и я чувствовала себя полной дурой, которая осмелилась осквернить своим присутствием это место. Необходимо было это просто пережить. Больше ничего.

Я чувствовала вибрации силы, исходившие от верховного эвейя. Всем своим телом ощущала его зов и то, как из самых глубин моей души поднимает голову давно забытая сила. Я никогда не разговаривала с ней, не взывала к ней. Я поклялась похоронить её, не дав и малейшего шанса на приход в этот мир. Должно быть, моё отражение за полотном, ненавидело меня так же сильно, как и я презирала себя за слабость и малодушие. Я смотрела прямо перед собой и далеко не сразу осознала, что всё это время смотрю в глаза будущего императора. Слова, что произносил Верховный эвей, пробуждали внутри меня пламя, заставляя ощущать его сперва, как крошечный огненный пульсирующий шар, где-то в самом центре грудной клетки. Но, я продолжала смотреть в глаза Китарэ, и мне казалось, что его льдисто-голубые глаза, точно остужают пламя внутри меня, если такое вообще было возможно. Я боюсь не жара огня. Я боюсь самого пламени и ощущений, что исходят от него. Не знаю, возможно ли описать мой страх словами, но огонь – это боль, и когда я вижу, чувствую его ко мне приходит боль, страх, безвременье и ужас от осознания, что моё тело горит живьем и совсем скоро от него не останется ничего кроме горстки пепла. Но, сейчас, несмотря на то, что ощущение пробуждения огненной стихии, захватывало клеточку за клеточкой моего тела, я видела перед собой эти глаза, которые забирали мою боль. Мне кажется, я видела их в своих снах? Или это наваждение?

Тончайшая нить силы, подвластная воле Верховного

эвейя, потянулась в сторону Китарэ, и словно часть моей души последовала за ней, стремясь обрести столь желанное извращение. Стоило моей силе коснуться его, как страх отступил. Всё будто бы встало на свои места. Ожила моя мечта, где я, тот самый эвей, который не боится самого себя, а любовно лелеет пламя внутри, понимая и принимая его. Но, я даже толком не успела вздохнуть, как наследник на миг отвел взгляд, а вместе с тем, я начала стремительно проваливаться в бездну, в ловушку, сотканную из разбуженного в моей крови огня. Как если бы кто-то ловкий, просто взял моё сознание и с силой дернул куда-то глубоко, где не было ничего, кроме стены пламени, боли и невыносимого жара огня.

Я падала и падала, смотря на то, как раскалённый ярко-алый камень стекает по стене восточной башни. А, может быть, я уже упала и просто лежала на земле? Почему я вижу всё это? Почему подмечаю то, как языки пламени пожирают мой дом? Мне кажется, от меня ничего не осталось. Мои глаза видят происходящее, но я отказываюсь его понимать. Моё тело... я не чувствую его... я не слышу... Кто-то зовет меня совсем рядом. Кричит так сильно, а я даже не могу повернуть к нему лица. Его голос нравится мне. Он держит меня, позволяя чувствовать себя живой. Кто-то поднимает меня на руки, и моя голова невольно поворачивается так, что я уже не вижу исчезающей в огне башни, лишь оранжевые сполохи пронзающие ночное небо.

– Ив, не умирай, Ив! – этот голос принадлежит ребёнку.

Я узнаю его. Ребёнок плачет, а мне кажется это неправильным. Он не может плакать. Он мой герой. Правда, он такой глупый, ничего не понимает в простых вещах. Зато он много знает того, о чем я никогда даже не слышала. Он обещал, что однажды покажет мне дворец... Я могла бы увидеть дворец.

На моих губах расцветает улыбка. Я не очень представляю, что такое дворец, но если он так нравится ему, то и мне он обязательно понравится. Он бежит со мной на руках так быстро и в то же самое время, слишком медленно. Всё что я вижу – это звездное небо в зареве пожара и кусочек его плеча. Вскоре появляются ветви деревьев над моей головой. Он что-то говорит мне, но я совсем не слышу его. Не могу понять. Единственное слово, что цепляется за мой слух это «озеро» и я понимаю, куда мы идём. Со всей пугающей ясностью, я понимаю, зачем он несёт меня туда. Всё, что я могу прошептать это короткое, но такое всеобъемлющее «нельзя». Ему нельзя туда. Нам обоим было нельзя, но мне так хотелось удивить его. Так хотелось подарить ему звезду, несмотря на запреты отца. Несмотря на то, что маленьким эвейям ни в коем случае нельзя ходить к зеркалу полотна. Там можно обрести силу, когда ты готов. Там можно многое потерять, когда ты мал или слаб.

– Потерпи, – шепчет он в ответ, а я цепляюсь обгоревшими пальцами за его куртку в надежде, что он поймёт, что нам нельзя туда идти.

Кажется время останавливается до того самого момента,

как я слышу всплеск воды под его шагами. Мы практически падаем в воду, и я стремительно ухожу на самое дно. Я больше не чувствую его рук и, кажется, это страшнее всего: остаться одной в темной глубине. Я захлёбываюсь, а вместе с первыми глотками ледяной воды, моё тело словно оживает. Оно горит в агонии. Я больше не понимаю, ни где я, ни кто я, ни что происходит. Эта дикая жалющая боль, я чувствую её всем своим телом, каждым кусочком обожженной плоти. Чьи-то крепкие руки, вдруг с силой вытаскивают меня на поверхность, но я никак не могу начать дышать. Я задыхаюсь, и мне начинает казаться, что ещё немного и весь мир окончательно погрузится во тьму. Неровные, рваные толчки моего сердца, как предвестники того, что осталось совсем немного.

– Дыши, Ив, ты только дыши, – его хриплый голос, это всё, что я слышу извне.

Я вновь теряюсь во тьме. Мне кажется, что меня утягивает водоворот. Моё крошечное, растерзанное тело, точно кидает из стороны в сторону, пока всё вокруг не растворится в белоснежном сиянии. Мне больно смотреть на этот свет, но я щурюсь, пытаюсь открыть глаза, а когда открываю, то окончательно понимаю, что меня больше нет. Ведь разве возможно, что я оказываюсь зажатой в огромной когтистой лапе дракона, который словно соткан из серебряного сияния луны. Его чешуя сияет всеми оттенками серебра, а огромная морда совсем рядом. Он смотрит на меня своими льдисто-голубыми глазами с продольными ниточками зрачков, так дол-

го, пристально, точно решая одному ему известный вопрос, а потом с силой выдыхает мне в лицо, возвращая меня туда, где я и была – на поверхность лесного озера. Я всё ещё вижу его глаза перед собой. Он просит не забывать, но я уже не помню... Я уже забыла его.

Глава 6

Пришла в себя я, как это ни странно, испугавшись собственного стона. Резко распахнув глаза, я тут же зажмурилась. Из широкого окна, которое оказалось прямо напротив меня, лился яркий солнечный свет. Немного щурясь, мне всё же удалось разлепить отёкшие веки и кое-как собраться, чтобы сесть. Голова, казалась тяжелой, тело неохотно спешило включаться в работу, а ещё... перед глазами, точно наяву стоял этот странный сон. Такой реальный, живой и настоящий, что моё сердце до сих пор ныло в груди, то ли из-за сопереживания тому странному мальчику, что спас меня, то ли потому, что я сама испытывала в том сне. Я не могла толком понять, почему очередной кошмар, так сильно всколыхнул мои эмоции, словно невероятных размеров волна прошлась по глади души, перевернув всё вверх дном. Я была в растерянности. Могло ли это быть реальным воспоминанием? Или мои страхи и переживания наложились на те ощущения, что я испытала в зале Двенадцати, что мне ещё и дракон пригрезился?!

– Кошмар какой-то, – растерянно пробормотала я, проводя рукой по лицу и прогоняя остатки сна.

– Это уж точно, по-другому и не скажешь, – раздалось ворчливое замечание откуда-то со стороны.

И, только услышав этот уже ставший знакомым мне голос,

я наконец-то поняла, что в принципе не так в этом утре! В моей комнатке не было широкого окна, а по утрам солнце не проникало внутрь из-за густых ветвей дерева, растущего прямо напротив него.

Резко обернувшись, я увидела картину в полном масштабе. И, это была катастрофа.

Я сидела в центре огромной постели. Нет, не так, я разворошила эту огромную постель, превратив её в странное подобие гнезда, перевернув и сбив всё, до чего смогла дотянуться. Но, даже это было ничего, по сравнению с взломаченным наследником, который сиротливо приткнулся на крошечной кушетке в углу этой комнаты. Китарэ выглядел так, словно он не спал несколько дней. Кажется, у него под глазами залегли темные круги. Да, и сам он, как сказал бы Рэби, был «не первой свежести». Лохматый, в мятом кимоно и босой, он полулежал на этом маленьком диванчике, поджав ноги и подперев голову рукой.

– Ты, в курсе ведь, что вряд ли когда-нибудь женишься? – буркнул он. – Ни одна женщина не выдержит тебя в постели, – устало закатил он глаза и широко зевнул.

– Я в этом даже не сомневаюсь, – согласно кивнула, нервно сглотнув.

– Хорошо, иллюзии ни к чему хоро-о-о, – вновь зевнул он, поднимаясь с кушетки, и потянулся. – Демоны, это было лихо, – покачал он головой, направляясь, куда-то в противоположный угол комнаты и скрываясь за дверью. – Жди здесь,

я не для того так мучился, чтобы ты по-быстрому убрался с утра, – проворчал он, прежде чем все звуки поглотил шум воды.

Я скажу честно, я не ушла бы, даже если бы он попросил. Сидя под одеялом, я глупо сверлила взглядом дверь, за которой исчез наследник, и понятия не имела, что мне делать в этой ситуации. А ещё, мне было интересно, зачем Китарэ поставил таз с водой рядом с постелью? И для чего рядом валялись разорванные влажные тряпки? Что вообще происходит?

– Ритуал, – выдохнула я, вспоминая свой позор.

Моё кимоно оказалось влажным в области шеи, и я боялась даже подумать, чем этот эвей занимался всю ночь... Неужели... Ухаживал за мной?

Сама мысль была настолько шокирующей и обескураживающей, что я продолжала сидеть, боясь лишней раз пошевелиться и до конца осознать саму возможность подобного.

Совсем скоро шум воды резко прекратился, а ещё через некоторое время из ванной вышел наследник в простых широких штанах, небрежно накинутом на обнаженное тело халате, с распущенными влажными волосами, которые он продолжал вытирать полотенцем. На самом деле, я не была такой уж прям высокосветской девой, которая не знала, как выглядят мужчины. Всё же тот же Рэби не стеснялся скинуть при мне рубашку и окатить себя из бочки ледяной водой. Но

то был Рэби, а это... это... было другое. Чувство неловкости и стыда затопило меня с головой. Я не могла стыдливо прикрыть глаза руками или показать своё смущение, но и просто сделать вид, что всё нормально, было сложнее, чем я могла себе представить. Я даже про себя боялась озвучить мысль о том, что этот мужчина приковывает мой взгляд потому, что он...

– Значит так, – вывел меня из состояния, близкого к шоку, его высокомерный, холодный голос, – мои самые худшие опасения оправдались. Ты и сам это понимаешь, я надеюсь?

Я не понимала сейчас ровным счетом ничего, но согласно кивнула.

– Я надеялся, что мы сможем поговорить, как только ты придёшь в себя, но ты не приходил всю ночь и первую половину дня... Я не знал, где ты живёшь, поэтому ты здесь сейчас, – он бросил мимолетный взгляд туда, где стоял таз с водой. Потом посмотрел на меня, но к счастью, я вовремя отвела взгляд. Потому он, сделав вид, что закончил с волосами, швырнул своё полотенце на этот несчастный таз, чтобы я не успела его разглядеть и заподозрить наследника в уходе за мной. Молодец, избавил нас обоих от неловкой благодарности.

– Так или иначе, ты войдёшь в мою Нить, – сказал он, а я заметила, с какой силой он сжал челюсть, прежде, чем продолжить, – поэтому, нам стоит...

– Для тебя это сложно, – констатировала я очевидное, –

я понимаю.

– Я не нуждаюсь в твоём понимании, – резче, чем должно быть хотел, ответил он.

Я не злилась на него в этот момент. Я действительно понимала. И будь я на его месте, то не уверена, что даже возможная целостность «нити» остановила меня прежде, чем его кровь на моих руках позволила мне отпустить мой гнев. Но, так или иначе, я знала и ещё кое- что – я просто не смогу стать той, кто ему нужен. В конечном итоге может стать только хуже.

– Есть несколько вещей, которые я хотел бы обсудить с тобой так же, как у меня есть множество вопросов, ответы на которые я хотел бы получить. Ты подходишь мне. Я не могу не признавать очевидного, как не могу и не имею права противиться этому, – в каждом его слове чувствовалось сожаление и нескрываемая досада. – Но прежде, чем нам, – сделал он глубокий вдох, будто пытаясь заставить себя говорить дальше, – стоит начать двигаться дальше, я хочу знать, что с тобой произошло в Храме?

Я могла ответить на любой вопрос, даже самый интимный и нелепый, но я не желала обсуждать с ним свои страхи и проблемы. Он был совершенно посторонним для меня. Единственным, кто знал и мог говорить со мной об этом был Рэби. Всякий раз, когда о моих слабостях пытался говорить кто-то посторонний, я внутренне ошетикивалась. Это была больная тема. Моя слабость. Точно так же, как я не выноси-

ла собственного отражения в зеркале, я не выносила, когда кто-то посторонний переступал те самые границы, которые даже для меня были под запретом.

– Есть ли шанс, что тебе может подойти кто-то другой? – вместо ответа, спросила я.

– Я задал вопрос, – точно так же проигнорировал он меня, делая шаг вперёд и почти нависая надо мной.

– Как и я, – вспыхнула я, решительно поднимаясь с постели.

Сейчас мы смотрели друг другу в глаза, находясь так близко, что я чувствовала его обжигающее дыхание на своих губах. Он был выше меня, потому мне ничего не оставалось, кроме как задрать голову вверх и с такой невыгодной позиции, пытаться выглядеть внушительно. И, вновь, стоило нашим взглядам пересечься, как картинки недавно пережитого сна, словно вспыхнули у меня перед глазами.

«Не забывай, Ив»

Слова, сказанные во сне неизвестным мальчиком или драконом, звучали так ярко, что у меня невольно подкосились ноги. Я бы упала, если бы в ту же секунду

меня уверенно не подхватил за предплечья наследник, удерживая на ногах.

– Я хочу знать, что с тобой не так, – почти шепотом, спросил он.

Казалось бы, что такого, чтобы прямо ответить на вопрос?

«Я калека, Китарэ. Я боюсь огня, и мне кажется, что стоит слиться с собственной стихией, и я умру, а твоя Нить так и не станет полной. Я стану вторым эвейем, который поставит под угрозу разрушения наш мир».

Простые и честные слова, которые никак не желали вырваться из моего рта. Я так презирала себя в этот момент за собственное малодушие, что готова была провалиться сквозь землю. Но, я должна была это сделать.

– Я не могу взаимодействовать с огнём, – желая сдохнуть на этом самом месте, сказала я.

– Что? – нахмурился он, а его хватка в тот же миг ослабла. И только в этот момент я почувствовала, с какой силой он всё это время сжимал мои предплечья.

– Я не могу взаимодействовать с огнём, – цедя каждое слово сквозь зубы, я чувствовала, как во мне просыпается злость. Я не просила и не желала такой судьбы, так почему же я должна быть виновата?!

– Я не глухой, я хочу знать, что это значит? Любой эвей с рождения чувствует течение родной стихии, она как колыбель для каждого из нас. И, если вчера, твоя кровь откликнулась, то значит, и ты чувствуешь огонь в этом мире, по-другому не бывает...

– Я...

Отчаянно собираясь с мыслями и прикидывая, как именно буду отвечать на его вопрос, объясняя такие личные моменты своей жизни постороннему эвейю. Китарэ уже нена-

видит меня, а после услышанного воз-

ненавидит с новой силой, если такое вообще возможно. Сжав кулаки, я набрала в грудь побольше воздуха, и уже приготовилась ответить так, как следовало, когда в дверь кто-то забарабанил с такой силой, что я невольно дёрнулась, рухнув на постель позади себя.

Китарэ проводил моё падение суровым взглядом, покачал головой и, буркнув что-то типа «ненормальный», отправился открывать дверь.

Моим спасителем оказался взлохмаченный и запыхавшийся Дилай. Тот самый эвей, с которым я познакомилась на своей первой молитве в храме, и который показался мне тогда странно дружелюбным. Ну, что я говорю, он сразу понравился мне. Я бы хотела иметь такого друга, как он. Возможно, Верховный и впрямь был прав, говоря, что мы чем-то похожи на свои стихии. Может быть, и огонь во мне инстинктивно ждал поддержки от воздуха?

– Китарэ, – заголосил он с порога, потом увидел меня, поднимающуюся с развороченной постели, нахмурился, тут же что-то решил и широко улыбнулся, помахав мне рукой. – О, привет! – сказано было это так, словно мы и впрямь были приятелями. – Хорошо, что и ты здесь! Вы не появились на молитве, следом не явились на завтрак, но пропускать тренировки нельзя, потому я пришел. Почему ты в таком виде? – обратился он к Китарэ. – Посмотри на Ив, он уже со-

брался...

– Он и не разбирался, – буркнул Китарэ, пропуская друга внутрь. – Дай мне десять минут, – хмуро глянул на меня и добавил, – причесался бы тоже, на дикобраза похож, – покачал головой и отправился в сторону к высокому деревянному шкафу.

Мы шли по улицам храмового комплекса, а я ловила на себе заинтересованные взгляды проходящих мимо эвейев. Не надо было иметь особую интуицию, чтобы

понять, что и кто именно стал предметом их заинтересованности. То тут, то там я слышала своё имя и понимала, что, скорее всего, уже всем известно, чем закончилась церемония этой ночью. Китарэ и Дилай всю дорогу обсуждали что-то и даже под страхом смерти, я не взялась бы повторить темы их разговоров. Мне было достаточно собственных мыслей. И сколько бы я не думала, то приходила к тому, что нам действительно необходимо серьёзно поговорить. Я должна собраться, задвинуть свою гордость на задний план, как и все неподобающие моему положению эмоции и чувства, и просто сказать, почему именно ему не стоит прекращать свои поиски последней «жемчужины». Ложь тяготила меня. А тот панцирь из обмана и недоговорок, которым я обросла за последние несколько дней, уже казался неподъёмным.

Я всё ещё плохо ориентировалась внутри комплекса, потому понять, как мы оказались на огромной песчаной пло-

щадке, огороженной по периметру высоким забором, мне было сложно. Но место напоминало тренировочную зону, и тому подтверждением было то, что те одиннадцать эвейев, включая наставника, были облачены в форму для тренировок. Разумеется, то, что Дилай и Китарэ, облачились в кимоно для тренировок под своими темно-коричневыми халатами, я смогла заметить только сейчас.

– Неужели решили почтить нас своим присутствием, – изогнув бровь, поинтересовался невысокого роста эвей, который, судя по всему, был ни кем иным, как нашим наставником. – О, замкнул свою Нить? – прищурился мужчина, разглядывая меня.

Китарэ и Дилай замерли в нескольких шагах от учителя и поклонились, ожидая дозволения встать в строй. Их примеру, пусть и с опозданием, последовала и я.

– Игнэ? – поинтересовался он, словно речь шла о сорте сливы для его пирога. Ни пренебрежения, ни агрессии я не почувствовала.

– Да, – отозвалась я.

– Ниром был выше, – констатировал он. – Чего скривился? – точно так же, без какого-либо пиетета, поинтересовался он у Китарэ. – Бесит тебя? – кивнув в мою сторону, поинтересовался он. – Так не сдерживайся, – мужчина всего лишь провел стопой по одному из шестов, что лежали у его ног, палка послушно перекатилась, подпрыгнула, оказалась на носке его ноги, а всего через долю секунды у него в ру-

ках. – Набей ему рожу, – немного кровожадно предложил этот с позволения сказать наставник, который больше всего напоминал мне маленькую коротконогую хрюшку. Мужчина ловко подкинул шест в сторону Китарэ, а наследник в свою очередь сноровисто поймал предложенное оружие.

Китарэ криво усмехнулся, снимая свой коричневый халат, и откладывая его в сторону на одну из скамеек, что стояла у самого забора. Я решила, что не стоит испытывать судьбу и последовала его примеру.

– Будешь работать с ним, – тем временем обратился ко мне наставник по Тай До, – в нашем искусстве нет места дешёвым эмоциям. Когда найдёте цену чувствам, поговорим.

На самом деле, мне было безгранично всё равно, с кем я буду практиковаться. У меня не было проблем с эмоциями. И даже на тренировках с Рэби и личными гвардейцами Дорэй, единственным, кто ко мне относился с долей симпатии, был именно он. Так, что мне было не впервые тренироваться с тем, кто меня терпеть не может. В этом не было ничего страшного или принципиально нового. Разве, что моими напарниками прежде были обычные солдаты гарнизона, люди, и уж никак не будущие правители. Ну, это так же было не страшно, боль я переносила хорошо. Не думаю, что тут дозволяется избивать учеников до смерти. И, лучше уж походить с разбитым носом, чем ненароком расквасить его наследнику.

– Мне без разницы, – обозначила я своё отношение к про-

исходящему, самостоятельно поднимая шест.

– Смотри, Китарэ, похоже, ты в одиночестве со своей ненавистью, – засмеялся этот странный тип, – Игнэ на тебя наср...

Говоря откровенно, мне показалось, что я ослышалась. В голове не укладывалось то, что сказал этот эвей?!

– Не переворачивайте мои слова, – сама от себя не ожидала, что меня так заденет то, как он использовал сказанное мною. Но мне уже порядком надоело разгребать те кучи вранья, которыми меня обложили. Ещё не хватало, чтобы при мне мои же слова переиначивали.

Я прямо смотрела в глаза этому смуглокожему, коротконогую эвейю. Теперь он напоминал мне пельмень, который я с удовольствием бы скормила кому-нибудь.

– А парень-то с огоньком, – очередной противный смешок, и точно яд разлился по моим венам.

Рэби рассказывал мне, что бывают разные техники формирования учеников при занятиях Тай До. Но даже он, человек, считал самым дешёвым из приёмов который сводился к «провокации».

«Мы могли бы справиться с твоим страхом, тренируйся мы окруженные открытым пламенем огня. Пускай, не за раз, а за тысячу первый раз, но ты бы привыкла. Но чего бы стоила нам такая победа? И, что бы осталось от тебя в конечном итоге? Да и гроши мне цена, как учителю, если я могу достичь цели, лишь причиняя боль своим ученикам».

Это были слова человека, который смыслил в боевых искусствах, гораздо больше, чем этот эвей.

Для чего были нужны нам эти тренировки? Молитвы? Особенные дыхательные практики? С точки зрения обычного человека, молодые эвейи занимались полнейшей ерундой последние три года до достижения своей половой зрелости. Я же занималась этой самой

«ерундой» столько, сколько себя помню. Рэби настаивал на том, чтобы каждый наш день начинался с молитвы. Середина дня была посвящена Тай До. Вечер – дыханию. Это было обязательной практикой в течение пятнадцати лет. Я не могу судить, насколько это приблизило меня к принятию собственной сущности, но одно то, что по большей части я могу ходить не прихрамывая, я списывала именно на ежедневные практики.

В мире эвейев считается, что энергия мира и энергия Полотна взаимосвязаны. Они сообщаются между собой, соединяясь в каждом из нас, проходя сквозь наши тела. Когда сквозь тело будет пропущен полноценный энергетический поток, который навеки свяжет обе наши сущности, то именно при помощи подготовленного тела и того, как мы умеем им управлять, будет зависеть то, как именно сумеем подчинять себе обрётённую силу и могущество. Как хорошо будем контролировать свою вторую сущность и насколько едиными с ней станем.

Подбросив шест в руке, для себя я подметила, что он немного толстоват для моих пальцев. Но, дерево мне понравилось. Совсем не похоже на то, что мы использовали для тренировок дома.

– Что ж, – так и не дождавшись от меня реакции на свою глупую подначку, заговорил «наставник», – разбились на пары. Дилай, ты сегодня работаешь со мной, – гадливо улыбнувшись, посмотрел он сперва на меня, а затем на Китарэ.

Пожалуй, впервые, мы с наследником были солидарны, полностью игнорируя кого-то третьего.

– Ну, новенький, покажи, что тебе досталось от отца.

Думаю, это прозвучало достаточно двусмысленно, чтобы в очередной раз постараться задеть меня. Но к величайшему сожалению этого мужчины, я не помнила своего отца и любое упоминание о нем не вызывало во мне отклика. Я знала, что он сделал. И давно приняла это. На этом всё.

Все ученики заняли позиции в безопасном удалении друг от друга, чтобы тренировка не переросла в банальную потасовку. Китарэ встал напротив меня. Он был выше. То, как он держал шест в руках, его осанка, движения, говорили многое для меня о нём, как о воине. Он умел управлять собственным телом. Оно было послушно ему, точно годами настраиваемый инструмент в руках мастера. Его взгляд прозрачно-голубых глаз, казался невозмутимым и бесстрастным, словно сейчас его разум был где-то далеко отсюда. Я не могла понять о его намереньях, потому, какие эмоции от-

ражались на его лице. Всё, что мне оставалось, это слушать его тело, наблюдать за малейшими изменениями в его дыхании и следовать за ним. Да, нам говорили, что все ученики в стенах Храма равны, но мне не десять лет, чтобы я и впрямь поверила в подобное. Но, тем не менее, наследник не был глупцом, чтобы не понять, если я буду намеренно уступать ему.

Бой начался стремительно. Дерево ударило о дерево, и вокруг поднялся оглушающий звон. С самого моего детства, я ощущала, как внутри меня рождается волшебство, стоило начаться схватке. В такие моменты, моя кровь точно оживала в венах. Она становилась такой горячей, настоящей. Разум прояснялся, а всё в душе затапливала радость. Я, словно появлялась на свет из убогой серости собственной жизни, в этом лязге метала, ярости и боли. Именно поэтому, я мечтала покинуть собственное родовое гнездо и отправиться к самым границам северных земель. Когда был азарт и гнев, то появлялась некая безумная красота моего существования.

К моему удивлению, Китарэ действовал осторожно, словно побаивался ударить меня во всю силу. Его движения были быстрыми, точными, но в то же самое время такими, будто он именно, что выполнял давно заученную связку, стараясь контролировать каждый свой удар и выпад. Я позволила ему наступать, желая посмотреть на него, почувствовать его, как противника. Но уже спустя несколько минут поняла, что это совсем не похоже на то, к чему я привыкла с Рэби. Быст-

ро, ловко, красиво, но совершенно не по-настоящему. Мне становилось скучно. Мир, который не успел преобразиться, вновь сжимался до серой обыденности. В этом поединке не было... не было...

«Огня?» подумала я, и несколько смутилась от собственной мысли.

«Ты думаешь, огонь это только то, что тлеет в камине твоей тётки?», усмехнулся Рэби, беря с земли снег и отирая им перепачканное в крови лицо. «У огня есть душа», улыбнулся он так, точно вспоминая что-то родное и близкое ему.

«Когда почувствуешь её, тогда он станет понятным тебе. Не раньше».

Я никогда не понимала, что именно имеет он в виду. Но мне кажется, именно сегодня, я впервые всерьёз задумалась о его словах.

Китарэ нанёс очередной удар шестом, который я смогла отразить, но вместо того, чтобы отпрянуть от него, приблизилась как можно ближе и посмотрела прямо в глаза наследнику.

– Это скучно, – прошептала я так, чтобы услышать мог только он, – тебе правда нравится так жить?

Он не пытался отпрянуть от меня, а лишь изогнул бровь, явно не понимая, что я имею в виду.

– Перестань сдерживаться! Есть вещи, которые не нуждаются в контроле, – с силой оттолкнула я его, позволяя своей

ярости ожить, а вместе с тем возвращая себе то, без чего не видела смысла в этих тренировках. Теперь уже атаковала я. Быстро и яростно, нанося удар за ударом, я позволяла себе почувствовать ту самую

«душу огня», о которой говорил Рэби. Да, моя стихия внушала мне непреодолимый страх. Но в такие моменты, как сейчас, я хотя бы могла почувствовать её рядом. Свою колыбель. Место моей силы всегда было так близко. Знал ли об этом Рэби, увлекая меня ежедневными сражениями? Знал ли, что это было единственным способом для кого-то вроде меня прикоснуться к собственному источнику? Я хотела спросить его об этом. Ведь именно это спасало меня все эти годы. Удар, ещё удар, уклониться, подпрыгнуть так высоко, словно у меня есть настоящие крылья, и ударить со всей возможной силой. Китарэ ни разу не пропустил моего удара. Он ускорялся вместе со мной. Дерево в наших руках трещало от той силы, с которой мы наносили удары друг другу. Пальцы онемели, но это было такой мелочью по сравнению с тем, каково это было осознать, что пусть и на краткий миг схватки, я чувствую дух собственной стихии, как часть себя.

Что-то изменилось в нашем сражении. Так, будто всё вдруг стало настоящим. Даже эмоции, которые то и дело мелькали в глазах Китарэ. Он и, правда, ненавидел меня. И своей ненавистью он питал огонь внутри меня, делая его ещё более сильным и яростным. Невозможно укротить пламя, подбрасывая в него пищу. Оно станет лишь ещё более жад-

ным и сильным. Меня всегда угнетало безразличие, но никогда не делала беспомощной ненависть. Впервые мне показалось, что вместе с ним я могу сражаться бесконечно. Ощущение силы его ненависти отражалось во мне, делая меня бесстрашной. Оно раззадоривало и пробуждало скрытую годами сущность.

«Да, ненавидь меня, ненавидь, как никого в этом мире и я с радостью поглощу твою ненависть»

Не моя мысль, а точно отражение кого-то древнего и мудрого, словно нашла отклик в сердце откуда-то из далека, наполняя каждую клеточку тела силой и радостью.

Это был танец полный ярости, ненависти, злости и гнева. Столько было этих разных, таких сильных эмоций, что в какой-то момент они все слились воедино превратившись лишь в яркий поток энергии и силы. У силы нет цвета. Она ни черная и ни белая, ни плохая и ни хорошая, все краски придают ей лишь живые. Энергия это поток, который лишь ждет того момента, когда его направят. И сейчас, мы будто давали шанс нашему гневу на очищение и перевоплощение в этой схватке. Я так чувствовала! И моё сердце радостно стучало в груди, позволяя чувствовать себя кем-то совершенно новым. Даже в самых дерзких своих мечтах, я не могла себе представить, что однажды смогу ощутить нечто подобное рядом с наследником.

Всё закончилось резко и неожиданно, просто потому что Китарэ сломал свой шест, выбив из него целый сноп щепы,

обрушив его о мой. Мы смотрели друг другу в глаза, а наше частое дыхание казалось обжигающе горячим. Я не слышала ни звука, и далеко не сразу смогла осознать почему? Оказалось, наш поединок привлек слишком много зрителей, которые вместо того, чтобы заниматься своими тренировками, сейчас молчаливо наблюдали за нами.

– Да, чувствуется огонёк, – проглотив смешок, как – то растерянно пробормотал новый наставник, разбивая повисшую тишину.

Я пропустила его реплику мимо ушей, продолжая поддерживать зрительный контакт с Китарэ. Его льдисто-голубые глаза, казалось, изменили оттенок на более темный. По лицу невозможно было понять, о чем он сейчас думает. Да мне и не хотелось особенно в этом разбираться. Наша схватка подошла к концу и сейчас начиналась самая неприятная часть преобразования. Мой мир вновь возвращался, смыкая свои серые, безликие оковы вокруг. Впервые, за многие-многие годы, я осознала, что для меня означают эти тренировки. И, впервые, мне хотелось плакать, потому, что всё закончилось...

Не говоря ни слова, он отстранился от меня, а я поймала себя на мысли, что хотела бы ухватиться за рукав его кимоно, чтобы удержать его рядом, хотя бы на лишнюю долю секунды. Но, конечно же, не сделала этого. Просто смотрела на то, как он уходит. Пожалуй, следовало последовать его примеру. Потому, я просто повернулась, молча прошла мимо так на-

зываемого наставника, подхватила свой халат и отправилась прочь. На этот раз язвительной реплики у него почему-то не нашлось, хотя и ненадолго. В след мне летело что-то вроде: «Эй... обнаглели... не оставлю!»

– Плевать, – буркнула я себе под нос, понимая, что есть только один человек в этом городе, которого я обязана сегодня увидеть.

* * *

Оказалось, покинуть стены храма не так сложно, как проникнуть внутрь. Я уже накидала примерный план побега, в случае если меня откажутся выпустить через главные ворота. Даже дерево присмотрела с достаточно толстыми ветвями, по которым я смогла бы добраться до забора. Но всё же, решила сперва узнать, возможно ли покинуть стены Храма официально?

Не тратя время на переодевание и прочее, я прямиком направилась к главным воротам. Ночью во время дождя, мне не удалось достаточно хорошо разглядеть, есть ли здесь пост охраны? Но почему-то была уверена, что он должен быть. И не ошиблась, когда рядом с внушительными воротами обнаружилось несколько эвейев облаченных в легкий доспех, и которые явно скучали на своём посту.

– Простите, – постаралась я привлечь внимание одного из них.

Высокий худощавый мужчина в шлеме, явно изнывал от

жары, но стоило мне приблизиться к нему, как я уловила едва ощутимый прохладный ветерок, который его окружал. Судя по всему, его стихией был воздух, и он умело ею пользовался.

– Как я могу ненадолго покинуть территорию? – поинтересовалась я.

На мой безобидный вопрос, он сначала непонимающе уставился на меня, а потом просто указал в сторону ворот:

– Через ворота, – озвучил он и без того очевидные вещи.

– А пропуск или дозволение нужно?

– Это не тюрьма, – усмехнулся он, – все послушники могут уходить и возвращаться в течение дня, когда им это нужно.

– Спасибо, – промямлила я, ощущая себя в который раз за день как-то «по-дурацки».

Найти постоянный двор, где обещал остановиться Рэби, оказалось несложно. Хотя и пришлось это делать под любопытными взглядами прохожих. Всё же стоило привести себя в порядок, прежде, чем куда-то выходить. Это в Турийских лесах эвейя днём с огнём не сыщешь. Но сейчас, в столице, было довольно опрометчиво выходить на улицу сразу после тренировки в изрядно помятом кимоно.

– «У порога Парящих», – прочитала я название постоянного двора. – Довольно поэтично, – пожалала я плечами, решительно заходя внутрь.

Как и везде в Империи, вход был значительно ниже, чем рост среднего человека, потому каждый вошедшей волей-неволей отдавал дань уважения хозяевам и месту невольным поклоном. Стоило переступить порог, чтобы тут же оказаться в обеденном зале, где пахло дешёвым рисовым вином, уксусом и пряностями. За низкими столиками, прямо на полу, сидели люди, которые судя по запахам, совмещали приятное с полезным, особенно ни на кого не отвлекаясь. На севере не было традиции сидеть на полу за обедом. Не тот климат.

Пока я бестолково обводила комнату в поисках одного конкретного лысого черепа, ко мне подбежала молоденькая девушка в темно-коричневом кимоно, и глубоко поклонилась.

– Позвольте предложить вам...

– Не надо, – поспешно отказалась я. – Несколько дней назад у вас остановился лысый пожилой мужчина на голову выше меня, как я могу его увидеть?

Девушке потребовалось всего несколько секунд, чтобы найтись с ответом.

– Да, он взял комнату на третьем этаже с восточной стороны, вот только...

– Что только? – насторожилась я, заметив, как эта девушка поджимает губы, точно соображая, стоит ли ей говорить дальше.

– Он не покидал своей комнаты уже два дня, – промямлила она.

От её слов на душе стало как-то беспокойно. Рэби был человеком. Его здоровье и выносливость имела свои пределы, учитывая возраст. Вдруг, наше путешествие оказалось слишком сложным для пожилого мужчины?

Тысячи мыслей, где одна была ужаснее другой, роились у меня в сознании, пока я, не замечая никого и ничего, неслась по направлению к лестнице, чтобы оказаться на том самом этаже. Я проклинала себя за беспечность! За то, что забыла насколько люди хрупкие! За то, что полагала, что мой Рэби самый сильный мужчина из всех, что я знаю! Что позабыла, насколько он на самом деле стар!

– Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, – кого и о чем я просила, я не имела ни малейшего понятия. Но одно я знала совершенно точно – Рэби не из тех, кто в здравом уме откажется от положенного обеда. И уж тем более его не запереть в одной комнате на несколько дней!

Я бежала, как сумасшедшая, но мне всё равно казалось, что я непозволительно медлительна. Стоило оказаться у нужной двери, как замерла в нерешительности. На миг стало так страшно, что произошло нечто непоправимое, что я боялась сделать этот последний столь необходимый шаг. Глубоко вздохнув, я всё же достала из кармана кимоно запасной ключ от двери и, вставив его в замочную скважину, повернула. Оказывается, Рэби предупреждал о том, что его может

искать Ивлин Игнэ и в случае, если он будет отсутствовать, то они могли впустить меня в его комнату. Даже тут обо всем позаботился...

Стоило двери приоткрыться, как моё лицо тут же обдало жаром. За окном было довольно жарко, но в комнате Рэби было настоящее пекло. Оказывается, старик развел огонь в небольшом камине, передвинул свою постель поближе и сейчас только его тело, лежавшее на полу, мешало мне видеть сам огонь. Но я чувствовала его. Это было похоже на то, словно, мои ноги приклеили к полу. Внутри всё кричало о том, что я должна бежать к нему! Что с Рэби что-то не так. Но я стояла, как бесполезная дура, что боится войти из-за своих глупых страхов.

С силой сжав кулаки, я закрыла глаза и постаралась призвать себя к спокойствию. Да я чувствовала огонь, но так или иначе, я его не видела, а значит, могла представить, что его тут нет. Есть только Рэби и ему нужна моя помощь! С моим другом случилась беда, и я не имею права на малодушие. Волны паники и крохотные крупички рационального, привели к тому, что я широко расставив руки, с распахнутыми от ужаса глаза, передвигая ногами, точно они и впрямь были приклеены к полу, ползла к нему со скоростью черепахи не в силах даже произнести его имя.

Он лежал на растрепанных одеялах. Его глаза были закрыты и, казалось, что он просто спит. Но его лицо было таким белым, точно кто-то неосторожно присыпал его мукой. Рэ-

би загорелый мужчина, бледность кожи ему вообще несвойственна. Дыхание казалось рваным и прерывистым. Он выглядел так, точно постарел на несколько десятков лет за эти жалкие два дня.

Против воли из моих глаз покатались слёзы. Я видела его, но вместо того, чтобы броситься к нему, ползла, не в состоянии даже промычать, чтобы позвать хоть кого-нибудь на помощь! Дорога длиною в бесконечность, казалось, этот путь никогда не закончится. Я напоминала себе, что должна контролировать дыхание, иначе, я рисковала потерять сознание, так и не дойдя до своей конечной цели. Перед глазами уже плясали черные круги, когда я, наконец, оказалась рядом с постелью Рэби и буквально упала на колени, хватая его за руку! Ладонь оказалась ледяной, но стоило мне прикоснуться к нему, как произошло то, чего я никак не могла ожидать. Он вцепился в меня с такой нечеловеческой силой, дернул на себя, и подмял чуть ли не всем телом. Жалкие секунды, и я оказалась зажата в его стальных объятьях. Его тело сотрясала дрожь, но он продолжал сжимать меня всё сильнее и сильнее, словно пытался согреться, как если бы я была единственным источником тепла в этой до ужаса натопленной комнате. Должно быть, это было последней каплей для моего сознания, потому как в очередной раз попытавшись сделать глубокий вдох и освободиться от оков его рук, я просто потеряла сознание.

Глава 7

В себя я приходила тяжело. На задворках сознания крутилась мысль о том, что что-то часто я начала засыпать в самый ответственный момент. Во рту пересохло, горло неприятно саднило, голова болела и, казалось, одно неловкое движение и она просто расколется пополам.

Кажется, я невольно застонала, пытаюсь повернуться на другой бок, когда кто-то осторожно приподнял меня, а моих губ коснулся влажный камень. И далеко не сразу я смогла понять, что кто-то предлагает мне попить из глиняной кружки. Долго не раздумывая, с жадностью потянулась за предложенной влагой. Пожалуй, это был самый сладкий глоток воды в моей жизни...

И, только в этот момент я наконец-то вспомнила и где я, и что собственно произошло. Я резко села, от чего содержимое кружки оказалось у меня за шиворотом, но это было совершенно неважно, поскольку у моей постели сидел Рэби. Не тот старик, которого совсем недавно я пыталась спасти. А именно тот Рэби, которого я знала всю свою сознательную жизнь. Да, он всё ещё выглядел в моём понимании, как человеческий мужчина на пороге пятидесяти оборотов или около того, но не тот глубокий старец, которого я нашла совсем недавно!

Я внимательно смотрела на него, понимая лишь то, что я

не понимаю ровным счетом ничего! Рэби точно так же смотрел на меня, продолжая стоять на коленях у изголовья постели. Его золотисто-карие глаза, цвета темного чая, излучали давно знакомое мне тепло и странную грусть. Он несмело улыбнулся и глубоко вздохнул.

– Прости меня...

– Что?

Выпалили мы одновременно, и вновь повисла неловкая пауза. В его комнате было настежь распахнуто окно. Камин он, слава Парящим, погасил, потому я наконец-то могла мыслить более-менее здраво.

– Рэби сын кузнеца из Пхармы, – строго сказала я, называя его тем самым именем, каким он всегда представлялся. И хотя, я хотела продолжить свою тираду, требуя объяснений и заверяя его, что не уйду без оных. Но вместо этого я почувствовала непроходящий ком в горле и то, как по-детски дрожит моя нижняя губа, а взгляд стремительно теряет фокус из-за влаги, которую я не могу контролировать в этот момент. Я не помню, когда я плакала так последний раз. Но, я точно знаю, когда сделала это впервые спустя столько лет, потому что кое-кто очень дорогой мне был жив.

Всё было совсем как в детстве. Честно говоря, бывают девушки, которые умеют плакать красиво и достойно. Опытным путём выяснилось, что я не из их числа. Я вою, у меня текут сопли и, как оказалось, ещё и хрюкаю, а под конец захожусь в икоте. Может быть, если бы Рэби всё это время

не гладил меня по голове и не приговаривал, какая я у него хорошая и прочие глупости, я могла бы успокоиться и быстрее. Но его слова вгоняли меня в совершенно отвратительную пучину жалости к самой себе.

– Т-ты, – продолжая икать и в то же самое время пытаюсь сделать глоток воды, заговорила я, – что с тобой произошло?

Рэби глубоко вздохнул, вставая передо мной на колени. Так обычно общались слуги со своими хозяевами, но, несмотря на мой так называемый «статус» между нами такого никогда не было.

– Прости меня, – вновь заговорил о прощении он, – но я думал, что так будет правильно.

Он вновь задумался о чем-то о своём, и я не выдержав заговорила вновь.

– Что Рэби? Парящих ради, просто расскажи мне?! Что в этом такого сложного?! Ты ведёшь себя так, что можно подумать мы с тобой чужие!

– Ты знаешь, – начал он, отведя свой взгляд и вперив его в стену, – что означает «сын кузнеца из Пхармы»?

Вопрос показался мне донельзя глупым и странным.

– Это означает, что твой отец был кузнецом в Пхарме, городе на юге империи.

– Нет, – покачал он головой, – это означает, что именно кузнец из Пхармы высек ту самую искру, которая спустя годы стала мной.

– Что? – смысл нашего разговора резко ушел от моего по-

нимания.

– Много-много оборотов тому назад я родился в пламени кузнеца, – улыбнулся он. – Ив, эвейи ищут своего дракона за Полотном, чтобы стать одним целым со своей стихией в этом мире, но иногда крошечные частички энергии, что парит за полотном, просачиваются в этот мир – это крупички «живой» магии, энергии и силы. У них нет разума, нет плоти, в моём случае это была жалкая искра, которая поселилась в неугасаемом пламени кузни на окраине Пхармы. Я нежился на раскалённых углях, лелеемый заботливыми руками своего отца, который не позволял мне угаснуть. В жаре его печи рождалось лучшее оружие Империи, потому, как и я отвечал ему своей силой взамен на заботу. Я рос и становился сильнее и в один прекрасный момент почувствовал, что моему пламени становится тесно в этой крошечной кузне. Я мог сжечь свой дом. Не со зла, а потому, что у огня нет чувства меры в его жажде и голоде. Тогда у меня не было мыслей, лишь чувства и порывы. Я всего лишь был пламенем, пришедшим с той стороны Полотна.

– И... что было потом?

– Потом меня услышал твой прадед. Он услышал зов пламени, толком не понимая, кто или что его зовет, но увидев решил забрать меня с собой, пока не произошла беда. Я, правда, мог послужить причиной того, что Пхарма исчезла бы с лица земли, а мой голод так и остался бы неутоленным.

– Но как тогда, – я всё ещё не могла поверить в его слова,

но понимала, что Рэби говорит правду и ждет от меня понимания.

– Как он смог совладать со мной? Он же был настоящим эвейем, а сердце огненного дракона... – перевёл он дыхание. – В его огромном сердце нашлось место и для меня. Лишь, когда он передал меня твоему деду, я обрёл свой первый облик. Помнишь, на всех портретах рядом с ним есть один и тот же рыжий пёс?

– Ты был псом? – выпучив глаза, пробормотала я. Не то, чтобы мне надо было повторять дважды, но сейчас хотелось повторить, чтобы точно признать этот факт.

– Псом, кошкой, мышью, – засмеялся он, – какая разница, на тот момент я мог быть только в образе животного. Человеческий организм и сознание сложнее, до него я дорос только рядом с твоим отцом.

На какое-то время в комнате воцарилось молчание. Я пыталась осознать то, что сказал он. Одна мысль о том, что Рэби не человек, выбивала меня из колеи, превращая мой реальный мир, в котором я привыкла существовать, в нечто сотканное из иллюзий и моих собственных заблуждений. Непривычное чувство.

В то же самое время, я думала о том, как могла быть настолько слепой и не замечать того, что творилось рядом со мной? Но, Рэби... я видела его кровь! Это была кровь человека! Он ел, спал, дышал... Да, демоны меня побери, он старел!

– Но, как же, – пробормотала я, проводя рукой по спутанным волосам. – Я не знала! Я ничего не замечала! Столько лет... как же? – подняла я взгляд на него.

Рэби немного грустно улыбнулся. Я кожей ощущала его сочувствие, но я ненавидела, когда на меня так смотрят. Он обманывал меня! Столько лет лгал мне! Вопреки всем доводам разума, в глубине моей души поднимал голову вечно голодный гнев и ярость. Он требовал, чтобы я отпустила его. Только так мне будет легче! Только так, я смогу вновь мыслить здраво.

В этот самый момент, Рэби осторожно взял мою ладонь и положил себе на щеку. Глубоко вздохнул, лицо его вдруг стало таким расслабленным и умиротворённым, когда я попыталась отпрянуть от него, он продолжал удерживать мою руку. Секунда, две и я с удивлением поняла, что всё прошло. Ни гнева, ни ярости, лишь спокойствие и умиротворение.

– Ты питаешься мной, – прошептала я.

Сама мысль была пугающей. Человек, который был мне отцом, братом, другом ел меня, фигурально выражаясь, но всё же.

– Хм, – усмехнулся он, – не так часто и много, как хотелось бы, – расплылся он в счастливой улыбке, от которой у меня мороз по коже пошел. – Знаешь, – сказал он, – сейчас очень важно, чтобы ты правильно поняла то, кто я и как именно всё так получилось. Когда погиб твой отец, а я именно уверен, что он погиб не по своей воле, – неожиданно рез-

ко сказал он, – и пострадала ты, меня не было рядом. Я уезжал по его поручению, а когда вернулся, то оказалось, что у меня больше нет...

– Хозяина? – предположила я.

– Носителя, было бы точнее, – в ответ мне усмехнулся он. – Ниром не владел мной, скорее я помогал ему, а он мне. Но прежде всего, он был мне другом. Именно рядом с ним моё сознание сформировалось, у меня появилась новая форма и я стал более сложным... наверное, так.

Пятнадцать оборотов назад. Турийские леса.

Молодая женщина в изысканном белоснежном кимоно, на котором единственным ярким пятном был алый шелковый пояс, стояла у распахнутого окна. Она жадно вдыхала прохладный воздух, который словно впитал в себя аромат дождя, прелой листвы и гари. Цвет её волос в лучах заходящего солнца более всего напоминал теплую карамель. Идеальная бледность кожи, изящные черты лица. В руках она держала белый ирис, то и дело поднося его к лицу, и вдыхая аромат. На губах женщины играла нежная улыбка. Кажется, она никак не может решить, чего ей хочется больше: вдохнуть аромат траурного цветка или продолжать смотреть на остов обгоревшей восточной башни. За неё решил резкий стук в дверь.

– Кто? – резко, чем следовало, рявкнула она.

Вместо ответа дверь широко распахнулась, а на пороге возник тот, кто теперь принадлежал ей.

– Ты? – изумлённо изогнув бровь, сказала она, позволив себе улыбнуться. — Наконец-то.

– Что произошло?! – то ли прошептал, то ли просипел молодой загорелый воин, переступая порог.

– Трагедия, – просто ответила Дорей. – Сейчас работают королевские следователи, но боюсь...

Вопреки тому, что Дорэй могла умело изобразить любое нужное ей чувство так, что даже чужие люди не могли не проникнуться к ней, её обаяние огненного эвейя никогда не действовало на мужчину, что стоял напротив неё. Взгляд Рэби оставался твердым и непреклонным.

– Ты забыла, Иса, я вижу истину. Не криви свой рот, я не понимаю смысла, когда слова и гримасы не несут в себе настоящее. Пламя не откликается на пустоту.

– Демоны, – усмехнулась Дорэй, – должна же я тренироваться на ком-то, чтобы изобразить истинную скорбь, — фыркнула она, небрежно бросая цветок на стол перед собой. – Я понятия не имею, что тут произошло! Всё просто сгорело, — тяжело вздохнула она. — Когда я попыталась совладать с пламенем, то ничего не вышло. Это огонь истинного эвейя. Мне он неподвластен, – устало опустила она на стул. – Неважно, с последствиями я разберусь. Они не посмеют уничтожить нас. Я не позволю. Если уж на то пошло, пусть забирают его дочь. Толку от неё всё равно ни теперь, ни потом не будет... что там осталось-то, Парящие, — отмахнулась она. – Ей же лучше, если так. Хоть

для рода сможет стать полезной.

– Что с Ив? – напрягся всем телом мужчина.

– Без разницы, — отмахнулась женщина. — Лучшие бы подумал, что будет с нами со всеми, в том числе и с тобой, если пострадаю я и мои дети!

Рэби скупо улыбнулся, прямо взглянув женщине в глаза.

– Вы мне без надобности.

– Ч-то? – нахмурилась она. – Искра не существует отдельно от пламени, забыл?

– Помню, — кивнул он. — Именно поэтому ни ты, ни твои дети мне не нужны. Ты не удержишь север одна, в курсе? Уже совсем скоро от тебя ничего не останется и так или иначе, но род Игнэ исчезнет. Твои дети... для меня они пустышки. Единственный, кто сможет тебе помочь до совершеннолетия детей — это я и ты это знаешь.

– Ты же говоришь всё это не просто так, м? Чего ты хочешь?

– Ив.

* * *

– Люди, эвейи, не важно. Все те, кто не обрел своей целостности за полотном, видят лишь то, что желают. Дорэй не видела смысла в том, почему я пожелал остаться с тобой, растить тебя, защищать, помогать, но она считала, что заключила выгодную сделку. Моё пламя помогало сдерживать холод, а взамен глупый элементаль нянькался с сиротой.

– Зачем же глупый элементаль выбрал для себя такую судьбу? – пытаюсь проглотить тяжелый ком в горле, поинтересовалась я.

Вопреки всей своей холодности, выдержке, принятию собственной участи, я оказалась не готова к тому, что единственный человек в этом отвратительном мире, которого я по-настоящему любила, мог использовать меня. Все эти годы, я думала, что достаточно хорошо защитила себя и своё сердце от лишних невзгод и разочарований, не позволяя себе и мысли о том, что однажды смогу стать чьей-то парой, воспарить к вершинам северных гор или почувствую приятие общества. У меня не было ничего, и я привыкла. Только я и Рэби. Но, я оказалось совершенно не готова к тому, что возможно не было и его...

– Нет более истинного наследника Игнэ, кроме тебя. Ты пламя, рядом с которым я могу оставаться и продолжать своё существование в этом мире. Не делай этого, – с силой сжал он мою ладонь. – Не смей отгораживаться от меня. Огонь не может существовать в изоляции. Ты не понимаешь, но я единственный путь, который ты оставила нетронутым и по которому могла получать те крохи силы, чтобы оставаться в живых. Ты не помнишь, а я никогда не говорил тебе, потому как ты отвергала саму свою суть, но ты не человек и законы людей не подходят тебе. Эвейю мало просто есть, спать, дышать, он должен постоянно быть в контакте со своей стихией, чувствовать её и быть рядом. Как я мог сказать тебе,

что родился в пламени? Если даже при виде обычной свечи, твоё сердце переставало биться, а лёгкие отказывались дышать. Я был для тебя тем, кем должен был быть, глупая ты девчонка! Не смей думать обо мне так, словно я твой враг. Я вижу это в твоих глазах: «Он использовал меня». Вот, что ты думаешь. Но, ты забыла главный закон, которому я учил тебя: Мир – это замкнутый круг, сотканный из сил, которые неустанно взаимодействуют друг с другом. Я не смог бы без тебя, а ты не прожила бы и оборота без меня. Однажды ты просто угасла бы, точно пламя свечи, что просто гаснет без воздуха. Знаешь ли ты, что означает твоё имя? – вдруг спросил он. – Ив – это «ветвь», и Лин – «несгибаемый». Это имя придумала твоя мать, и я верю, что это было не просто так.

Он говорил и говорил, а я ощущала, как уходит гнев и обида, а на их место приходит осознание его правоты. Его уроки, наши схватки, мой последний бой с Китарэ, именно он открыл мне глаза, как именно я могла взаимодействовать с родной стихией.

– Тебе следовало сказать мне раньше, – всё же ответила я, – ты ведь... сильно истощен, так? Тебе стало лучше лишь потому, что я пришла к тебе сегодня. А, что было бы, если бы я не сделала этого ещё несколько дней? Что было бы, старый ты пень?! – уже со злостью в голосе спросила я, боясь даже представить, как нашла бы его хладный труп или того хуже не нашла бы ничего!

– Я не рассчитал, – промямлил он, потупив взгляд. – Даже

мысли не было, что начну так быстро угасать без тебя...

– Идиот, – буркнула я, в который раз за сегодня наиняя закипать ни с того ни с сего. С моей выдержкой происходило что-то неладное, и не признать этого было бы просто глупо.

– Что произошло в Храме? – вдруг поинтересовался Рэби. – Ты изменилась... Течение энергии внутри тебя ускори-лось...

– Я понятия не имею, что это значит, а случилось то, что теперь можешь звать меня Ис и тренировать вежливую форму обращения, как к будущему члену Совета Двенадцати, – поджав губы, ядовито отрапортовала я. – Хотя вероятнее всего, разговаривать ты будешь уже с урной, в которую сложишь пепел с моего ритуального костра, – тяжело вздохнула я.

– Что? – нахмурился он.

– Неважно, по дороге объясню.

– По дороге куда?

– В Храм конечно, – вновь раздраженно ответила я. – Идем. Поздравляю, теперь ты мой личный... не знаю кто, но будешь при мне.

– Но...

– Никаких «но», Рэби! Ты говорил, что людям нельзя находиться в Храме, полагаю, это не относится к элементалям. А в той ситуации, которую создала Дорэй, одна я просто не справлюсь. Мне нужна твоя помощь! – выпалила я. – Идём, нам надо ещё продать лошадей...

На все необходимые сборы у нас ушло ещё полдня. Обратно в Храм мы возвращались, когда стемнело. За это время я успела рассказать Рэби о событиях последних дней. О том, как познакомилась с наследником, как стала частью его ожерелья, как превратилась в парня, которого все считают психом и задавакой. Всё это время, он лишь задавал уточняющие вопросы, но не пытался высказывать своего мнения. А это значило лишь то, что он обдумывал что-то своё и не расскажет об этом, пока мысли его полностью не будут готовы к озвучиванию. Так или иначе, но впервые за последние дни я испытывала странное умиротворение и спокойствие, потому как он был рядом со мной. Не знаю, было ли тому причиной его близость или то, что он просто впитывал в себя весь исходящий от меня негатив, мне было всё равно. Сейчас, рядом с ним, я чувствовала себя уверенно, точно маленький ребёнок, который искал поддержку у своего родителя, я находила её рядом с Рэби.

– Как тебе наследник? – вдруг поинтересовался он, когда до храма нам оставалось всего несколько кварталов.

– Не знаю, – ответила я. – Он не выглядит плохим, но он ненавидит меня... Думаю, это нормально.

– Маленький су... – прошептал Рэби, а я так толком и не поняла, что он сказал, хотя, судя по интонации ничего хорошего.

– Я не злюсь на него, и тебе не стоит, – покачала я головой, – он будущий Император.

Озвучила я самый весомый аргумент, почему нам обоим стоит быть терпимее. На самом деле, сейчас я чувствовала себя мелкой и ничтожной букашкой, которая замерла в страхе перед несокрушимой мощью движущейся на неё волны. Ещё немного и меня раздавит, и я просто исчезну так, словно меня никогда и не было. Ложь Дорэй, моя нерешительность, травма, с которой я не могу справиться, всё это подводило меня к черте, которую совсем скоро я буду вынуждена переступить. Если раньше «побег» казался эфемерной возможностью избежать момента, когда мне придётся ступить за Полотно, то теперь я отчетливо понимала: никто не позволит исчезнуть недостающей жемчужине Императора. От одной мысли о том, что всё, что мне остаётся, это преодолеть свой страх, моё сердце заходило в бешеном ритме. Мне было страшно. Так, страшно, что схватывало дыхание. Но это был единственный способ выжить и искупить вину отца. Хотя, кого я обманываю, его грехи меня совершенно не интересовали. Я не помнила его. Не помнила любви к нему. Он был никем.

– Знаешь, – задержав дыхание, остановилась я посреди шага и взяла Рэби за руку.

– Эй, ты чего? – поинтересовался он, маскируя свою растерянность под шутливым тоном.

– Помоги мне, – впервые в своей жизни я попросила о том, что этот мужчина делал для меня не спрашивая дозволения целых пятнадцать оборотов, – помоги мне принять

огонь, Рэби.

Мужчина слегка улыбнулся, отчего вокруг его глаз расцвели лучики морщин, кивнул и сжал мою руку в ответ.

– Глупая девчонка, огонь никогда не покидал тебя. Это ты прячешься от него за иллюзией, что пламя живет лишь в свечах и каминах. Я же говорил тебе. Но, я понял тебя. Если ты правда готова, я помогу.

– Не знаю, готова ли, но это уже необходимость.

Стоило нам приблизиться к воротам Храма Двенадцати, как я в нерешительности замерла. Конечно, я была настроена решительно, но как повлиять в случае отказа на верховного настоятеля, чтобы он согласился на размещение Рэби внутри, я не знала. И всё же...

Не успела я додумать эту мысль, как за меня перешёл к действиям Рэби. Он просто открыл дверь и вошёл.

– Ну, конечно, вот и решение, – пробормотала я, ступая следом за ним и мысленно готовясь к тому, как буду вести себя с теми, кто всё же решат нас притормозить.

– Ну ничего, мне нравится, – пробормотал Рэби, с интересом вертя головой по сторонам. Цветочки, все дела, – сведя руки за спиной, продолжал бормотать он, решительно продвигаясь вперёд по тропинкам.

К моему удивлению, никто не спешил нас остановить или с позором выставить прочь.

– А кормят как? – посмотрел он на меня. – Это важно,

чтоб ты знала. Я много ем не потому, что не могу совладать с собственной утробой, просто, когда я голодный это может быть опасно.

– Ну, конечно, – фыркнула я.

– Да, правда, – возмутился он. – Голодный элементаль – грустный элементаль, а значит переходящий на подножный корм, в прямом смысле слова. Мне нельзя расстраиваться!

Не выдержав, я всё же засмеялась. Казалось, с нашей последней встречи прошёл год. Так хорошо было вот так прогуливаться рядом с ним.

– Хороший аргумент, Рэби!

Мы неспешно шли по цветущим аллеям Храма Двенадцати Парящих. Время было уже поздним, но, несмотря на это, нас окутывал свет заходящего солнца, аромат разогретых за день цветов и нежный тёплый ветерок угасающего дня. Стрекот цикад, казался удивительной мелодией неизвестных музыкантов, которые притаились где-то невдалеке, чтобы поделиться своей музыкой с нами. Этот ничем не примечательный вечер был удивительным, хотя бы в том, что мне было просто и весело.

Мы уже подошли к общежитию, в котором мне выделили комнату, как я невольно сбилась с шага. Спиной к нам стоял тот, к кому, должно быть, нам стоило обратиться в первую очередь, приходя вдвоем сюда. Ис Тарон, облаченный в уже привычное белоснежное кимоно, обернулся, словно почувствовал наше приближение. Верховный эвей слегка

улыбнулся и неспешно двинулся к нам навстречу.

– Рэби это... – попыталась я предупредить его, как он поспешил успокоить меня.

– Я не слепой, Ив.

Тем временем Верховный настоятель встал напротив нас.

– Юная Игнэ, – кивнул он мне и тут же обратил свой взор на Рэби. – Духи не частые гости в наших стенах, – вкрадчиво сказал он. – Но, желанные...

– Ещё бы, – без всяких формальностей, усмехнулся Рэби, что несколько озадачило меня.

Верховный не выглядел удивленным или злым от нашего вторжения, хотя этот водяной дракон в принципе никогда не выглядел злым, разве что немного пугающим. Они улыбаясь смотрели друг на друга, а я чувствовала себя полной идиоткой и никак не могла отделаться от ощущения, что они разговаривают между собой на языке, которого я не знала и не слышала.

– Разумеется, – вдруг вслух сказал Ис Тарон. – Нет никакой необходимости переживать об этом. Всё уже улажено. Собственно, вместо меня пришел бы слуга и помог с переездом, но пришёл ты и я решил встретить вас сам.

– С переездом? – пожалуй, это было единственным словом, смысл которого я отчетливо уловила.

Разумеется, – кивнул мужчина. – Все послушники, что готовятся стать частью Нити Жемчуга Императора живут в отдельном корпусе. Вы были там этой ночью...

Я продолжала слушать ответ Верховного, ощущая, как моё лицо стремительно краснеет. Хищный прищур глаз Рэби этому лишь способствовал.

– М, – выдавила я из себя, стараясь не замечать хитрых глаз Иса Тарона и злобного прищура Рэби, – да, там ничего. Надо бы вещи собрать...

– Всё уже перенесли. Что ж, – вновь посмотрел Ис Тарон на Рэби, – Храм принимает тебя.

Весь путь до нового места проживания не занял много времени. Жизнь моя стремительно менялась, как могло показаться, то непременно к лучшему. Ведь сложно поспорить с тем, что теперь я буду жить в корпусе для будущих первых лиц Империи, сидеть за одним столом с будущим Императором, общаться с сильными мира сего на равных... Вот только меня не покидало ощущение, словно всё это попадало ко мне в руки незаслуженно, по странной воле случая и не более того. Я не была приучена к чудесам и везению и любая перемена «к лучшему» в моём случае имела обычно второе дно. Не думаю, что с этого дня будет по-другому. Я должна была быть готова.

Корпус Двенадцати располагался особняком ото всех учебных корпусов и находился на равном удалении будь то от Храма или любого из учебных корпусов. Стоя перед входом в здание, которое словно утопало в зелени лиан и листов деревьев, я не могла не отметить, что все эти разговоры о равенстве, как выяснялось, на деле не более, чем разгово-

ры. Кто-то из учеников всё же равнее... и теперь я одна из них. Это было забавно. Это здание отличалось ещё и тем, что у каждого из тех, кто должен был здесь проживать, имелся свой личный вход, а сам корпус был в форме круга. Найти мою дверь не составило труда: знак Радави выгравированный на ней невозможно было пропустить. Стоило мне прикоснуться к ручке двери, как символ приветственно полыхнул, а дверь податливо отворилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.